

ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

Безупречный враг

Диалогия
в одном
томе

• Последний сирин •
• Морииль •

Оксана Демченко

Безупречный враг

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Демченко О.

Безупречный враг / О. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1202-0

Враги сродни ветру в парусах судьбы. Именно враги вынуждают покинуть тихую гавань. Благодаря врагам люди взрослеют раньше срока, отказываются от привычной жизни, находят союзников и теряют надежду. Это книга о тех, кто бежал от своих врагов и лишился самой судьбы. И еще это история одного безумца, выбравшего себе безупречного врага, способного перевернуть привычный мир, лишая смысла древние пророчества и новые коварные замыслы.

ISBN 978-5-9922-1202-0

© Демченко О., 2012
© АЛЬФА-КНИГА, 2012

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Оксана Демченко

Безупречный враг

Книга 1

Последний сирин

Глава 1

Небывалое подкралось, прячась в сумерках тусклого предутрия, пропитанного серым туманом. Селение просыпалось буднично, поскрипывало позвонками несмазанных дверей, зевало перекошенными ртами распахнутых сараев, выдыхало молочный пар ранней дойки. Пастух только-только выбрался за порог и побрел по улице, кутаясь в тонкий войлок, безразлично кивая закрытым и открытым калиткам и щурясь... Что за тени в тумане? Отчего ночная влага расслоилась и взволновалась, как прокисшее до срока молоко?

Пастух охнул, опасливо заспешил к ближайшей каменной ограде, щупая ее росистый бок. Мокрой дрожащей рукой умыл лицо, согнал остатки сна и затаился, забыв обо всем. У старенького храма в самой середине селения столбами вросли в твердь вытоптанной земли изваяния, столь неподвижные, что людьми их назвать невозможно. Да и бывают ли они – такие-то люди? Огромные. Широкие. Все – воины и все особенной, легендарной храмовой «породы», будто и не люди они, а нечто иное, чудовищное! О подобных пастух слышал на торге, в большом нижнем городе. Но мало ли пьяных сплетен дрейфует в спертom воздухе портовых ориимов? Купцы и пение сирен слышали, и сиринов возили на своих лодках, и самому газуру жизнь спасали. Им верить – людей смешить!

Но небыль вдруг сама явилась жутковатым сном, не пожелавшим откочевать до рассвета в вышний океан помыслов, мечтаний и кошмаров. Пастух дрожал, словно овечий хвост, его ноги против воли медленно переступали, толкая вперед сопротивляющееся тело. Как не рассмотреть столь удивительное? Как решиться и потревожить любопытством безмерно опасное? Интерес боролся с осторожностью, и сухое горло хрипело то ли несбывшимся визгом, то ли задушенным стоном. Еще шаг. И еще. И полшага.

Лакомка-ветерок слизнул густые сливки утреннего тумана. Самые рослые вершины обозначились вдаль, заиграли розовым рассветным жемчугом.

Вытоптанная площадь у храма прорисовалась отчетливо, до самой малой мелочи. Все прибывшие были как на ладони: считай, удивляйся и жди худшего... Десять огромных воинов. Стоят возле храма полукругом, каменные лица ничего не отражают, и даже глаза не радуются первым признакам восхода. За широкими спинами – вот уж чудо из чудес – настоящий конь, зверюга еще более крупная, чем ввали пьяные купцы. Щерит пасть, клацает крупными желтыми зубами. Правда, пока что выдыхает пар, а вовсе не сказочный огонь. Зато ногами перебирает звонко, сердито. Неужто эти ноги железные? А седок-то у коня – жрец верхней ветви, хотя поверить в его появление тут сложнее, чем в коня, даже огнедышащего и полностью стального! И все же вот он, жрец. Уже ловко спрыгнул с высоченного коня и без страха умирляет чудище. Еще бы, вся сила храма за ним...

Пробудившиеся селяне, не смея вздохнуть, глазели на невидаль из теней закрытых циновок окон, из щелей сараев, из-за каменных хребтин заборов.

Жрец был неподобающе, как-то даже оскорбительно молод для своих богатых ярких синих одежд с широкой белой каймой. Служитель верхней ветви храма всегда сед, согбен и

стар, даже отчаянно лживые сплетники иного не скажут. Мыслимо ли хапнуть такую-то власть в раннем возрасте?

Люди с ужасом смотрели на чудовищных воинов, коня – бешеного зверя – и могущественного властителя. Никто не ждал добра от внезапного посещения. Разве такие гости являются без причин? И помнит ли хоть кто, чтобы неожиданное внимание сильных мира сего оказалось во благо? С вечера не было и намека на перемены, грозящие нищей горной долине. Закат отгорел ровно, не омраченный ни единой складочкой тревожного облака. Ни единый гость не явился неурочно, даже вездесущая глазастая детвора не заметила соглядатаев на тропах или в горах. Что вынудило владыку немалого числа островов тайно и спешно явиться сюда? Не проехать дорогой дальше, а спешиться и безразлично обводить взором окрестности? В горах кое-как прокармливаются сами, а сверх того, напрягая все силы, едва исполняют назначенную газуром повинность: снабжают пропитанием работников ближайшей серебряной шахты. Приход храма невелик, люди долины помещаются в пяти десятках хибарок, разгороженных внутри на маленькие закуты. И то дома разделены на комнатки лишь у богатых, бедным на всю семью хватает четырех тонких глинобитных стен. С них и взять-то нечего... Но разве владыка явился бы, не вызвав заранее и безошибочно о том, что в ничтожной долине скрыта ценность, достойная его внимания?..

Изваяниями из камня замерли личные стражи жреца, наследники древней крови. Воинов опаснее и сильнее их нет на всем коралловом Древе. Отыскать хоть отзвук родственности великим бойцам прошлого, разбудить кровь и напоить ее силой – дело, доступное лишь избранным служителям верхней ветви храма. Легендарные бойцы тоже принадлежат храму, больше ни перед кем не отвечая, никому не подчиняясь. Вот сейчас бледный юноша с усталым лицом усмирит своего ужасного коня и в единый миг примет решение относительно долины и ее пока что живых обитателей. Прикажет, не тратя слов, одним мановением руки, и могучие стражи сокрушат селение, сгребут со скального основания, как ненужный сор. Не удастся даже спросить, в чем вина, можно ли откупиться и оправдаться...

Перепуганные жители вздохнули чуть свободнее, когда вдоль боковой стены покосившегося храма прошаркал деревенский служитель. Он замер на углу, шаря пальцами по косяку и слепо щурясь против света. Чуть постояв, старик поклонился до земли щуплому юнцу и захромал к нему, получив на то дозволение – безразличный, едва намеченный кивок. На ходу босой служитель растирал затекшую после сна ногу и на ощупь, неуверенными пальцами, вдевал в лямки волочащийся пояс. Мимо неподвижных воинов древней крови старик пройти не решился: снова поклонился, ожидая повторного дозволения говорить или приблизиться.

Пастух мешком сполз по стене и сник на подломившихся ногах, щупая траву. А вдруг все обойдется? Служитель – человек знакомый, понятный и способный отвести беду. В конце концов сам тут живет, прирос к долине-то. Небось пожалеет соседей, душой он добр, проповеди ведет мягко. Да и отношение к нему наилучшее... После таких мыслей пастуху стало как-то особенно заметно: одежды жреца бедны, застираны так, что синий цвет угадывается лишь по привычке, заплаты кое-где выросли вторым слоем, а на локтях – так и третьим...

Храм – кривой и старый, совсем как его служитель. Зато ориим будто бы нарочито добротно, недавно выкрашен заново. Вон как он угрюмо растопырился двумя пристройками, аккуратно напротив храма вырос, словно в насмешку выпятил на площадь бельма ровных окон с цветными циновками-ставнями...

За нарядной циновкой, бурой с синим, заслонившей ближе к левой пристройке окно, стенал владелец заведения. Он всхлипывал и едва слышно, с истовым и не вполне трезвым привизгом, клялся себе самому, а заодно и всему миру, что к сезону дождей и никак не позже справит служителю новое одеяние и насыплет меди полной меркой, сдоблив подношение серебром. Иначе, какова бы ни была причина нынешнего визита высшего жреца, не миновать повторного внимания, опасного не вдвое против нынешнего, а втрое, впятеро! Вон как юноша в ярком оде-

янии хмурится, глядя на кривобокий храм! Того и гляди прямо теперь именем богини Сиирэл изберет для веры и служения новое вместилище. И ясно какое: здесь, в просторном орииме, приезжие и ночуют, и сделки заключают, и трапезничают. Стены добротные, циновки новые, двери так вовсе из цельной доски. Роскошь!

– Ох горе, и зачем я циновки-то синим выкрасил против правил? – вслух зашептал сонный содержатель ориима. – Юго, кость ты гнилая, а ну, собери на поднос что следует! И зачем я второй-то ярус надстроил, не унялся? Ох, попутал глубинный враг... Как бы не приметил гость, что крыша у нас на палец повыше храмовой. Ох, беда. Глаза-то вон вылупил – чисто сквозь стену меня высматривает. А ну, неси кошель!

Ни звука в ответ, ни движения... Мужчина зло сплюнул, вновь пообещав себе посадить гнусного мальчишку под замок и уморить голодом, сполна воздав за свой страх. Сперва, само собой, неслуха нужно выпороть так, чтобы и не дергался. Теперь повод есть, причина же имела и прежде. Вроде прижить-то недоноска не от кого было, а видно по всему: не родной! И повадка чужая, и кончики волос норовят червяками вывернуться, а не лежать прямо, как подобает. В довесок к прочим подозрительным чертам у наглеца быстрый вороватый взгляд, а это не идет на пользу орииму. Он же гниль, чужеродный, поэтому и вред чинит. Нет бы в дом тащить все, что плохо лежит, как младший делает, – так он из дому выносит. Не иначе жена миловалась с кузнецом, тот из пришлых, ростом высок, курчав и мелкоглаз... Или на ярмарке кого приглядела? Недостойного полукровка, отпрыска какого-нибудь купца. Ведь повадились, предатели Древа, тащить незаконных жен с далекого севера, будто места на островах всем хватит.

Привычные мысли похмельно бродили в голове, пенились несвежей брагой новых страхов и подозрений, булькали изжогой раздражения, опасно бурлили подспудной злобой.

Едва слышно скрипнули петли люка в полу. А вот и жена, легка на помине, выбралась из подвала. Ворочается, словно брызгливое тесто, сопит, мелко икает и привычным жестом прогоняет мух, невидимых трезвым. Гулять была ловка, но и в деле хваткая, даже с похмелья: стукнула по столу доньшком непочатого кувшина браги, рядом уложила кошель, припасенный на случай внезапных бед. Мелкая медь зазвенела по ребрам плоской крупной серебряной монеты, сиротливо затесавшейся в нищее окружение.

– Хоть и гулявая ты, а не дура, – куда спокойнее признал хозяин ориима, ополовинив кувшин в несколько жадных глотков. – Серебро перепрятала?

– Ты кого учить вздумал? – презрительно зашипела жена, дергая из рук мужа кувшин. В свою очередь поправила здоровье, оставив на доньшке лишь неаппетитную муть, которую задумчиво изучила. – Еще мой дед держал тут дело, и был он половчее некоторых, принятых в дом из пустой доброты. Уж брагу мы прежде разбавляли толково и в меру, не лили себе в глотку до зари.

– Вот и не пила бы! А про доброту если... Тебе последние зубы опротивели? – Голос налился новой злобой. – Куда чужерода понесло? Вернется – забью, так и знай.

Женщина неопределенно фыркнула, выплеснула остатки браги на добытый из плетеного сундука парадный поднос, торопливо протерла его снятым грязным передником и завязала на поясе чистый. Придирчиво изучила мятую, иссеченную царапинами медь, плюнула на мутно-зеленое пятно, поскоблила ногтем: вдруг плесень? Исчерпав тем свое усердие, женщина ссыпала в довольно глубокий поднос фрукты, лепешки, орехи, поставила кувшин с кислым молоком и несколько плошек, выдолбленных из кожуры ореха. Покончив и с этим, хозяйка усердно приклеила кривоватую улыбку на заспанное лицо, растерла смятые похмельем щеки, словно пытаясь согнать складки, пригладила волосы, сунула мужу кошель, подхватила поднос и пошла к дверям, стараясь двигаться плавно и не раскачиваться на ходу. Вчера, в обычное свое ежегодное время, приехали богатые гости, газуровы закупщики рудничного серебра. Хозяев ориима

по привычке позвали за стол. И до сих пор веселье гудело в голове, туманило взор, делало пол кривым и скользким.

Едва выбравшись за порог, хозяйка ориима забыла о гостях и похмелье. Одного взгляда в холодные усталые глаза высшего служителя хватило ей для полного прояснения сознания. Остро и болезненно подступило к горлу желание завывать, на всю округу оглашая в покаянии тайные и явные грехи, малые и самые тяжкие – любые, лишь бы обрести хоть толику надежды выжить, перетерпеть ужас тусклого всезнающего взгляда.

Тонкие губы жреца брезгливо дрогнули.

– Вот и явлен знак свыше, – с отчетливой издевкой отметил он. – Первыми в любом селении навстречу гостю открываются врата храма. Здесь отныне пребудет ветвь служения.

Женщина подавилась заготовленным приветствием и едва не упала, крепче вцепляясь в поднос и толкая медное блюдо вперед. Сама бы потом не смогла ответить, от пьяной неуклюжести или из неосознанного желания отомстить так ловко подвернулась нога. Кувшин покачнулся, угрожая запятнать кислым молоком безупречное одеяние высшего жреца...

Но ничего страшного не произошло. Звук подхватил женщину и удержал на ногах, как послушную куклу: сидящая у ног жреца сирена – только теперь и удалось рассмотреть хрупкую фигуру – напела, вгоняя в озноб и подчиняя своей воле каждое движение, то есть позаботилась о благе храма...

Старик, низший служитель, который год прозябающий в кривеньком строении, задохнулся от восторга и обернулся. Расправил плечи, подтягивая пояс и по-хозяйски изучая новые хоромы. Хоть и принадлежат они богине моря Сиирэл, а жить тут будет он, человек, к которому никто в деревне не испытывает подлинного почтения. Нет у него голоса, как у сирен, даже слабого, имеющего лишь вкрадчивую сладость, подчиняющую исподволь. Нет и властной жесткости служителя, уверенного в себе и своем праве. Вон юнец, добившийся права носить яркие одежды, без яда и меда голоса обошелся, всего-то глянул мельком и согнул спины, вселил в каждого обитателя долины страх и уважение. Старик пожевал губами. Снова поклонился высшему жрецу, признавая: жизнь прожил как смог, остается и на ее закате довольствоваться малым. Говорить о богине и петь ей гимны, хлопотать и служить в дни общих праздников, а в прочее время кое-как перебиваться, ничем не отличаясь от иных селян. Возделывать огороδικ, красить стены ветхого храма, подмазывать глиной трещины, не надеясь возвести новый.

И вдруг – лучший дом во всей долине переходит в его распоряжение по первому слову высшего служителя. И без возражений!

– Высокая честь, – убито признала хозяйка ориима, в единый миг лишившаяся дома. С каким-то задушенным ужасом она осознала: темный взор сирены топит, не выпускает, тянет вглубь, безжалостно губит. Жизнь пора спасать, а не стены и достаток. – Покрасим заново сами, еще справим достойное одеяние славному жрецу, – просипела хозяйка, выторговывая себе право дышать. – Знак нам внятный дан, не оплошаем.

– Я вознесу мольбу, чтобы память у тебя не оскудела прежде, чем иссякнет моя, – дернул уголками губ молодой жрец. – Или все же прислать кого-нибудь глазастого после сезона дождей?

Он отвернулся и пошел прочь, не слушая ни заверений, ни воющих стонов. Рядом, отстав на полшага, семенил деревенский служитель низшей ветви, поспешно одергивая одежду, бесконечно кланяясь и благодаря. Он указывал рукой дорогу. Сирена, сидевшая в пыли у ног служителя, медленно встала, выпрямилась, кутаясь в черный кружевной платок, жадно сглотнула и поспешила за своим хозяином.

– Это же риил-араави, – охнул, наконец-то разобравшись в происходящем, бывший владелец лучшего в деревне дома. Ужаснулся и забормотал, не в силах молчать: – Хотя бы не тот, с жезлом, хотя бы его помощник... Быть не может: в нашу долину явился сам настоящий риил-

араави, и сирена при нем... Мы чудом выжили. Славная Сиирэл милостива, пожертвование приняла малое, бескровное.

– С мерзавца Юго начисто шкуру спущу. А лучше продам косорукого храму, хоть так возьмешу убытки, – прошипела женщина, без сил опускаясь на колени, в пыль. Метко пнула мужа в колено и засипела ядовитым шепотом: – Ну что встал? Я тайники опустошу. А ты нанимай людей, выноси вещи, пока и они не достались храму. Чужерод у тебя старший сынок, как же... Весь в папашу: горазд слюни пускать, а как дело делать, так нет его. С полуночи, вот так и знай, он на крыше сидел, бездельничал. Теперь-то уж забылся, седьмой сон досматривает – как всегда, про море. Брага ему, вишь ты, глаза разъедает. Не углядел беду, родную мать не предупредил. Все наше дело развеял прахом! Юго! Юго, косорукий, а ну, иди, хватит спать!

Юго не спал.

Вечер выдался многотрудный. В трех комнатах для гостей надо было выскрести полы, поменять циновки, перетряхнуть стеганки. Потом пришлось тушить с пряностями почти зрелые, уже пухлые стручки бобов, наспех месить и печь лепешки, без конца отвлекаясь, чтобы подать что-то новое на стол. А когда все в орииме – и хозяева, и гости, – забылись сном, Юго мыл посуду, приводил в порядок заляпанный брагой и грязью пол, скоблил доски столешниц...

Далеко за полночь, едва находя силы двигаться, он все же упрямо заполз на плоскую тонкую крышу второго яруса ориима, самую высокую в деревне. Такую высокую, что с нее можно было рассмотреть море. Точнее, Юго всякий раз старательно убеждал себя в том, что море прячется в темной безлунной дали за каменным боком гор. Представлял, что черная гладь колыхнется призрачными бликами, хранит тепло угасшего дня, манит, дотягиваясь и за перевал туманами с запахом соли и рыбы. Чем еще может пахнуть море, Юго не знал. За всю жизнь он видел это чудо два раза, оказавшись на очень похожей крыше ориима в нижней долине, куда выбирался с отцом на большой торг.

Но если закрыть глаза, запретить себе чувствовать сладкий и мерзкий запах браги, перебивающий все иные ароматы долины... Если заткнуть уши, чтобы не слышать дружный храп гостей и сонное причмокивание хозяев ориима, до полуночи умудрившихся опустошить пять огромных кувшинов выпивки. Если...

Юго устало расслабился на крыше и улыбался, осторожно приоткрыв веки. Старое истертое серебро тонкой поздней луны оседало на горных пиках редкими брызгами бликов. Слабые пряди раннего тумана, растрепанные ветром, изогнулись полотнищами парусов. Широкие глянцевые листья на общинном поле взблескивали рыбьими спинами. Два крошечных высоких пера облаков стали чайками, ищущими поживы. А сам Юго конечно же превратился в капитана большой торговой лодки.

Ветерок прошелестел, тронул волосы, и плавание началось. Юго мысленно scomандовал гребцам, затем проверил ветер и потребовал прибавить парусов. Похвалил расторопного рулевого, который верно и звучно отсчитывал ритм гребли и удерживал наилучший курс торгового пути на север. Впереди вздымались черные кручи, лодка смело стремилась в узкую щель меж опасных скал. Там наверняка поджидали пираты: ведь большая океанская лодка везет богатейший груз отборного жемчуга! Будет бой. Мальчик уверенно прищурился, погладил широкий нож...

И грустно вздохнул, помимо воли возвращаясь в свою серую сухопутную жизнь. Он никогда не видел моря по-настоящему, хотя, как и любой оримэо, обитатель кораллового Древа, он близок к большой воде. Океан повсюду вокруг, просто родной остров Тооди – один из величайших срединных в архипелаге, а долина расположена в самом его сердце, в горах...

Однако добрая богиня Сиирэл снисходительна к Юго. Пусть рядом нет ни океана, ни даже реки или широкого озера, лишь глубокие колодцы и говорливые ручейки, растрепанные на струи и брызги, не имеющие и пригоршни спокойной водной глади... Пусть так. Но

изменчивое море живет и дышит во взгляде Элиис. Эта девчушка – единственное существо во всей деревне, достойное дружбы. Элиис никогда не дразнила сына ориимщика чужеродом, хотя обидное прозвище выкрикивают и шепчут в спину все, от несмышленишек до стариков. Едва ли не всякий житель долины должен отцу хотя бы медяк и отомстить пытается его нелюбимому сыну... В такой мести есть удовольствие, ведь угрозы со стороны двенадцатилетнего пацана – никакой. Повторяя ругательства родителей, в селении повадились громко звать Юго то тупым бараном, то лентяем, то косоруким уродом. И только Элиис, маленькая, часто мерзнувшая, вечно голодная, не повторяет чужих гадостей, зато понимает с полуслова самого Юго и охотно выслушивает. Она тоже мечтает о несбыточном – однажды увидеть море, спуститься к воде и уплыть по золотой дорожке рассвета в иной край, добрый и щедрый.

Юго вздохнул. Ну почему он до сих пор толком не объяснил Элиис, как важно таиться, прятать взгляд, с каждым сезоном дождей светлеющий и наполняющийся синью? И вообще надо носить широкую плетеную шляпу и глядеть в землю, пряча свои синие глаза за густыми ресницами... А еще следует пореже встречаться со старым служителем. Он подозрительно добр к нищей семье.

Еще хотя бы год переждать, перетерпеть, и можно будет сбежать из дома, чтобы попробовать наняться на торговую лодку. Элиис исполнится десять, а ему самому – тринадцать. Вдвоем не так страшно отрываться от привычного, от дома и долины, неласковой, но и не чужой... Элиис надежный человек, с ней можно начинать новый путь. Сперва по тропе за перевал, к берегу, а оттуда – куда угодно! Например, взять и уплыть далеко на север. Там, по слухам, есть большая земля, именуемая «материком». Такая огромная, что ее не пересечь за десять дней непрерывного бега. И, может быть, даже за двадцать. Сверх того люди шепчут: на севере нет служителей храма, как нет газура, его жадных зуров и дотошных уров, ничтожных, но кичащихся местом и близостью к тем, кто наделен властью. Вон хоть эти, гулявшие в орииме с вечера: ур нижней ветви и его слуги. Нос задирали, словно они газуру кровная родня, а сами-то... Штаны латанные, жемчуг в украшениях старый, мертвый. Да и брагу пили худшую, а хвалили так, будто что-то понимают в напитках...

Юго передернул плечами, невольно принюхался и подвинулся по крыше в сторонку, снова сполна ощутив мерзкую вонь, изгоняющую любые мечты. Пора уходить. Может, теперь самое время, опасно ждать целый год. Припрятанное серебро понятно где лежит. Забрать – да в порт. И непременно на север. На материке точно нет храма и никто не служит Сиирэл, а значит, там нет хитрых жрецов, готовых на все, чтобы заполучить синеглазого ребенка, в чьем взоре переливается море. Увы, на Древе с такими глазами спокойно жить нельзя. Едва ли не всякий знает: повзрослев, именно синеглазые дети порой получают самую крупную, редкую и ценную каплю дара морской богини Сиирэл. В их крови пробуждается чудо, наделяющее способностями сирина, повелителя вод.

Тень, мелькнувшая в густой ночи, сперва показалась Юго игрой воображения, как и ненастоящее море, что разлилось в тумане посреди каменных гор. Однако пару мгновений спустя мальчик настороженно признал, что тень настоящая.

Внизу, возле крайних хижин, беззвучно и стремительно двигался некто очень большой и опасный. Чужак. Жители деревни не могут так ходить. Вот он пропал, снова показался на миг вдали, на фоне светлой стены.

Юго внимательно осмотрелся. С высокой крыши видно все селение и значительную часть долины. По каменной дороге от нижней развилки приближаются темные тени, их много. Торговцы ночами не ездят, на охоту в этот сезон никто не ходит, с рудников сбежать невозможно, к тому же ур знал бы о происшествии, он только что вернулся из шахты. Тогда кто крадется и по какой причине скрывает свое присутствие? Мальчик поежился от внезапной мысли. Спрыгнул вниз, пробежал по крыше первого яруса, соскользнул в непроглядную черноту внутреннего двора. Мимо скотных загоронок прокрался к дальней калитке, ведущей на общинные выгоны,

припустил во весь дух по сухой короткой траве, вытоптанной и редкой, до самой малой нитки выбранной овцами. Надо проверить. Сперва проверить, а потом успеть предупредить, если подозрение, не приведи богиня, верное.

Мальчик домчался до перегиба тропы, приник к камням и ящерицей взвился на гребень дозорной скалы. Притаился, унимая дыхание и осматривая долину. Вот они, гости. Прячутся в низине, дожидаясь высланных вперед соглядатаев. Юго прищурился, всмотрелся, сетуя на туман. Пряди кисейной сырости расползлись, словно сгнили, и позволили увидеть, издали распознать на одеянии жреца белую кайму, ясным серебром взблескивающую даже ночью. Юго предполагал худшее и поэтому сразу догадался, что по тропе идет сам араави. Порой, думая об Элиис, он ждал и боялся появления именно такого гостя. Скатившись со скалы и ободрав руки, Юго снова побежал, проклиная себя за нерешительность и нерасторопность. Ведь знал, что синеглазые приметны. Не мог не отдавать себе отчета в том, что на Элиис могут донести, желая получить награду. Что вызовут самого опасного из жрецов, высшего. И станет поздно. Уже поздно! Он, лучший друг синеглазой, слишком долго ждал и слишком вяло мечтал, опасаясь неведомого за перевалом... Получается, он предал единственного родного человека, Элиис...

Мысль об угрозе, нависшей над ориимом, не колыхнулась даже в глубине сознания. Да пусть хоть сгорит, хоть храму достанется, хоть рассыплется в пыль под гневными всполохами молний! Не жаль.

Во-первых, у матери припрятано много серебра. Вполне достаточно для безбедной жизни. Во-вторых, ценность старой постройки невелика. Чтобы возвести новую, надо всего-то привезти из нижних земель, с побережья, опорные столбы и доску для двери. Прочее не будет стоить ни монетки. Жители деревни поголовно в должниках у отца, содержателя ориима. Они и глины добудут наилучшей, и соломы нарежут, и основу сплетут из тонкого прута, и замесят массу для обмазки стен. Впрочем, что в тех взрослых заботах ему, «косорукому»? Сколько себя помнит, никогда не считал этот дом родным. Отцу Юго не просто не нужен – противен. Чужеродом кличет, то и дело норовит уязвить или ударить.

Во всей деревне нашелся один настоящий надежный человек. И что? Не спас, не углядел, даже не объяснил толком, насколько велика угроза. А теперь... Если бы у Элиис заподозрили дар сирены, удалось бы ее спастись. Сирен ведь довольно много, сам араави не пустится ради одной из них в дальний путь. Опять же, каплю звенящего голоса вполне посилено избыть. Юго, наслушавшись рассказов торговцев с побережья, полагал, что любой добросердечный оримэо, заметив в своем ребенке признаки божьей капли, создающей из обычного человека сирену, сделает все возможное, чтобы растворить зачатки дара в хрипоте или немоте. Будет поить дитя холодной водой в жару, держать в сыром подполе и морить голодом. Чахотка – это еще не смерть. А даже если так, чем она хуже участи тех, кто носит знак отречения? Много лучше!

Ведь сирены не просто служат храму – сирены ему принадлежат, в этом и заключается смысл отречения.

Но даже их доля ничто по сравнению с участью синеглазых. О ней молчат торговцы, ее не ведают толком жители прибрежных городов. Одно понятно: запрут в клетку. Объявят, что тем самым посвящают богине и даруют великую милость, что поступить иначе нельзя... Сирины, и только они противостоят ужасу всемогущей Волны. Это не легенда, все знают, что Волна – дело серьезное и настоящее. Угроза для каждого оримэо, от последнего нищего до газура. Поэтому у сирина нет ни выбора, ни свободы... Кто знает, сохранят ли бедняжке Элиис хотя бы жизнь!

Юго мчался, шмыгая носом и глотая злые слезы обиды на мировую несправедливость и собственную нерасторопность. Надо было уходить сразу после прошлого сезона дождей, когда в дом Элиис зачастил старый жрец. Он повадился подолгу беседовать с девочкой, так красиво и образно рассказывая про богиню, ее деяния и великодушную милость к людям. Добрым

прикидывался, даже оставил немного денег, чтобы нищие родичи не морили Элиис голодом и не обижали.

И вот итог. Сообщил ведь безжалостный скрипучий старик кому следует, и его тотчас услышали. Проверять сведения прибыл не абы кто, а сам араави. Тот, в чьих руках вся власть храма.

Юго бежал изо всех сил и с отчаянием понимал, что он едва ли успеет. Придется обогнуть главную улицу, там уже наверняка стражи в синих одеждах. Стучать в дверь, кричать или будить отца Элиис нельзя: не поймет, всех всполошит. Или, хуже того, старый пастух быстро припомнит, сколько платят кровной родне за синеглазых, если во взгляде обнаруживается не бесполезная примесь крови чужаков с далекого материка, а истинный отблеск живого моря. У Элиис именно второе, Юго уверен. Много раз смотрел в ее изменчивые глаза и не просто видел море, о котором мечтал всю сознательную жизнь, а слышал его! Плыл по волнам, ощущал их.

Оттого Юго громко, постоянно, на все лады повторял, что у дочки пастуха мама была из чужачек. Дед ее ходил на торговой лодке и привез жену с севера. Вот дурная северная кровь и сказывается, кожу бледнит, того и гляди волос начнет завивать волнами, а то и роста добавит, совсем изуродует... Зря старался. Не помогли слова, не успокоили подозрительности старого жреца. Согбенного, бестолкового, мелочно-услужливого, склонного жаловаться на слабость глаз и боли в спине, совсем не усердного в служении, но, увы, далеко не слепого...

Задыхаясь и спотыкаясь, Юго прокрался через огородик, поддел циновку на низком оконце и юркнул в темный проем. Хорошо бы Элиис была здесь, в сараюхе при скотных загонах. Тогда еще есть небольшая надежда.

Юго кое-как уговорил покачнувшуюся рогатину не падать и не греметь. Пошарил в загонах, пугая крошечных курчавых ягнят. Пусто! Мальчик всхлипнул от огорчения. Значит, вчера Элиис занялась плетением циновок и осталась дома.

Пришлось снова красться через кустарник под самое окно, осторожно царапать некстати подвязанную на веревку циновку. «Не иначе как от воров», – обозлился Юго, перерезая надежный «запор» одним движением любимого широкого ножа.

– Что ты делаешь? – шепотом возмутилась Элиис, выныривая из душной комнаты к окну. – Юго, разве можно так...

– Давай руку, бежим, – приказал мальчик. – Нет времени объяснять.

– Куда? – громко удивилась Элиис, упираясь одной рукой в подоконник и пытаясь выдернуть вторую из цепкого захвата пальцев приятеля. – Говори толком! Ты опять что-то натворил?

– За тобой пришли, – с отчаянием шепнул Юго, расслышав гул на улице. – Давай же, лезь скорее...

Элиис сдавленно пискнула: из сплошной тени за спиной Юго вырос огромный человечище и замер изваянием у самого окна. Мальчик, не оборачиваясь, обреченно вздохнул, сел, закрыл лицо ладонями и, кажется, всхлипнул. Элиис прежде не видела друга плачущим, и оттого ей стало вдвойне страшно. Впрочем, Юго сразу выпрямился, упрямо и безнадежно глянул снизу вверх на стража, плотнее сжал рукоять ножа, с которым был неразлучен. Воин древней крови усмехнулся и покачал головой. Неразличимым для глаза движением отнял оружие. Самого мальчика смял, как тряпичную куклу, и ловко сунул в густой кустарник. Элиис испуганно охнула.

В дверь жалкого крошечного домика уже стучали. Да так, что тонкие слабые стены дрожали и похрустывали. Рядом с воином храма, подошедшим к окну вплотную, возник второй, как две капли воды похожий на товарища.

Дверь хрустнула: стражи на своих плечах внесли ее в дом...

Жрец в ярком одеянии миновал порог, жестко поймал девочку за плечо и развернул к себе, внимательно глянул в глаза, победно улыбнулся. Затем склонился глубоко и почтительно.

– Вот мы и обрели счастье видеть вас, божественная, – прошелестел его тихий, уверенный, исполненный нескрываемого торжества голос.

В тесную комнату юркнул старый служитель, угодливо кивая и нашептывая что-то благодарно-невнятное. Затем сильные руки втокнули пастуха, которого обнаружили на улице у забора и привели домой к нужному сроку.

– Ваша дочь родственна Сиирэл, – сухо отметил молодой жрец, сверху вниз глядя на пастуха, испуганно жмущегося к стене и не смеющего подняться с колен.

– Какая честь... – сдавленно охнул отец Элиис. Помятый, зевающий то ли со сна, то ли от испуга, вызванного присутствием столь высоких гостей, он снова замер с открытым ртом, едва выбравшись из своего угла.

Еще бы! Рассмотрел одеяние с серебряной каймой, запоздало убедился, что не путает араави с кем-то менее грозным и властным. Подавился восславлением Сиирэл, рассмотрев и сирену, которая как раз теперь вошла и встала рядом со своим хозяином.

– Великая радость для всех нас, – ровным тоном ответил жрец, распуская завязки кошеля. – И благо для вас, достойный отец божественной. Три сезона долина не будет платить храму. А дому сему полагается воздать золотом за то, что взрастил и сберег в стенах своих столь дивное дитя. Укажи мне имя божественной.

– Элиис, – едва слышно шепнул пастух, не отрывая взгляда от монет, падающих на циновку одна за другой, сплошной струйкой непомерно огромного внезапного богатства...

Это ведь даже не серебро. Это чистое, без примеси, золото, безмерно редкое и ценное на островах. И оно все сыплется, звенит весело и зло, яркое, рыже-красное в лучах рассвета, прокравшихся в щель циновки и словно решивших проверить подлинность металла. Хотя один лишь цвет уже пьянит куда сильнее браги, туманя разум и обещая все новые чудеса. Пять сотен граонов, немыслимые деньги... Нелепые и невозможные здесь, на облезлой циновке, заменяющей и стол, и ковер, и постель.

– Собирайтесь, божественная Элиис, – снова поклонился жрец, отдавая дань уважения кровной родне богини. Однако восторженности в его поклоне не было. Он выпрямился и сухо добавил, делая знак воинам: – И постарайтесь, очень вас прошу, не вынуждать меня к непочтительности своей нерасторопностью.

В словах прозвучала едва уловимая насмешка: за спиной высшего служителя уже теснились конвоем два гиганта. Им араави тотчас, громко и внятно для всех, велел не спускать с добычи глаз. Сирена, повинаясь жесту хозяина, тоже шагнула к девочке, протянула худую темную руку...

– Если я божественная, – разозлилась Элиис, осознавая, что терять уже нечего и помощи ждать неоткуда, – все прочь! Выйду сама. И соберусь сама.

– Да будет так. Надеюсь, моя покладистость станет началом взаимно полезного общения, лишнего обид и предрассудков.

Араави жестом удалил из комнаты всех своих людей, а заодно и всхлипывающего над горкой золота пастуха, снова поклонился и последним вышел сам.

Глава 2

Элиис быстро бросила в корзину пару лепешек, наполнила водой маленькую флягу. Порылась в плетеном коробе, прихватила запасную рубаху, пару лент для волос, иные полезные мелочи. Тоскливо глянула в окно, за которым по-прежнему неподвижно и нерушимо перего-раживали путь к свободе двое стражей. Девочка вздохнула, вскинула легкий мешок на плечо и пошла к двери.

На пороге ее поджидала сирена. С презрительной усмешкой она, живая вещь араави, принадлежащая служителю более полно, чем раб – господину, ощупала одежду девочки. Удалила из ее волос острые костяные шпильки. Порылась в корзине. Сделала все спокойно, уверенно, привычно... Потому что и Элиис теперь тоже – вещь храма. Самая дорогая и потому тем более не принадлежащая себе...

Сирена положила руку на плечо Элиис и вытолкнула ее за порог, не ослабляя хватки, малозаметной для окружающих, но тем не менее грозящей появлением синяков. Проявляя неожиданную для столь хрупкого сложения силу, женщина повела добычу араави по улице. Впереди и с боков шагали огромные стражи, заслоняя девочку от несуществующих угроз и приучая к мысли о том, что побег невозможен.

Когда родное селение осталось позади и тропа изогнулась, прячась в лощину и затем выныривая на крутой подъем, чтобы начать карабкаться к перевалу, араави указал девочке на закрытые носилки.

– Привыкай, все сирины рождены для клеток, – сухо усмехнулся араави и не замедлил пояснить свои слова, смягчая их грубость: – Вас в храме кормят досыта, учат, одевают, как самых знатных таори, ни в чем допустимом не отказывают. Только не проси о свободе. Кстати, мое имя Эрай, я происхожу из семьи Граат. Если тебе что-то понадобится, скажи.

– У вас я ничего не попрошу, – пообещала Элиис и отвернулась. Вот еще! Вздумал вежливостью ее удивить. Свой род назвал, как самому близкому другу. А разве он – друг?

– Ладно, хорошо уже то, что не молчишь, – легко согласился араави. – Получишь непрошеное. Детям легко угодить. У тебя на лице написаны все мечтания, а я умею читать. Давай проверим? Сейчас тебе интересно, что за люди мои стражи, отчего они так огромны и тяжело ли им нести твои носилки. Еще ты хочешь знать, куда мы идем и что будет дальше. Я расскажу. Но разве только это интересно? Ты любознательна, а храм владеет книгами. Я приглашу учителей. Выбирай: грамота, пение, танцы, искусство беседы. – Он снова усмехнулся упрямому ответному молчанию. – Я вижу, что ты выбрала. И лучше тебе заговорить, могу ведь предложить и разведение лотосов или плетение кружева. А хуже того – боевые навыки, которые тебе совершенно противны...

– Отчего же, – задумчиво улыбнулась девочка, глядя на кинжал одного из стражей.

– Вот ты и заговорила вновь, – спокойно отметил жрец. – И, как все упрямыцы, без пользы для себя. Пытаться одолеть стража – безумие. Да и мое горло для тебя недостижимая мечта, меня тоже учили бою, а я усердный.

– Сколько тебе лет? – невежливо спросила Элиис, делая ударение на этом недопустимом «тебе» вместо «вам».

– Двадцать четыре, – удивился вопросу Эрай.

– Усердный, точно, – рассмеялась Элиис, чтобы не заплакать. Горло перехватило болью. – Ты самый молодой старичок из всех, каких я видела. Веки в сеточку, глазки блеклые, со слепым прищуром. Акула сушеная!

Она юркнула в носилки и задернула внутреннюю занавеску за тонкой, узорной медной решеткой оконца. В тесной клетке стало темно. А снаружи – тихо. Пол дрогнул и поплыл, когда стражи подхватили ношу и двинулись в путь. Некоторое время араави обдумывал услышан-

ное. «Может быть, – так надеялась Элиис, растирая по щекам непрошенные слезы, – жрец даже злится или обижается». Вряд ли его прежде дразнили при всех сушеной акулой, к тому же безнаказанно! Захотелось подсмотреть в щелочку: может, лицо араави перекопилось от злости? Вот было бы зрелище...

Жрец вздохнул и принялся совершенно спокойным, доброжелательным тоном рассказывать о своих стражах и дороге, о храме, о служении и законах. О крепости сирина, где Элиис предстоит провести всю жизнь. Девочка слушала и иногда перебивала араави. В «божественности» есть своя прелесть. Можно говорить что угодно и не бояться отповеди! В нижнем селении, куда однажды Юго взял приятельницу в большой торговый день, жрецов, охотящихся за сиренами, считали дурными людьми. Друг тоже полагал, что в них таится зло. И он знал много слов, красочно описывающих это зло. Дорога оказалась долгой, так что Элиис припомнила их все. Ее душе было больно и мучительно здесь, в клетке. Телу доставалось не меньше... За занавесками к полудню сделалось невыносимо душно и жарко, маленькая фляга опустела в несколько глотков, и теперь мучительно хотелось пить. Ноги затекли, неубранные с утра волосы сбились в комок.

А насмешник араави шел рядом с носилками и рассказывал о том, как хорош день, если раздвинуть шторы. И еще добавлял, что у него есть фляга с холодной, свежей водой. Пил, звучно глотая. Умывался и брызгал на занавеску. Предлагал всего лишь дать честное слово не пытаться сбежать теперь, на пути к морю. Клялся именем Сиирэл, что сразу поверит и позволит идти рядом, пешком. Ведь нехорошо и нечестно заставлять людей тащить тяжеленные носилки по горной дороге. Даже он, акула сушеная, людоед и детоубийца, к своим стражам куда добрее...

Послеполуденная густая жара мутила сознание и путала мысли. Элиис казалось, день никогда не закончится. Удушающе знойный, гнусный и мерзкий, он был наполнен монотонным покачиванием носилок, толкающих тело то вправо, то влево. К горлу подкатывал комок голодной тошноты, обдающей рот желчью...

Когда носилки замерли, Элиис этого не заметила. Она пришла в себя, уже сидя на богатой цветной циновке, под расшитым пологом, создающим тень. Ненавистный жрец поддерживал под спину, бережно протирал лицо и шею влажной прохладной тканью и, похоже, всерьез переживал.

– Элиис, не надо так отчаянно отрицать свою судьбу, – тихо и вкрадчиво попросил араави. – Я отнюдь не так ужасен и зол, как можно прочесть в твоём взгляде. Пойми: принадлежность храму – для тебя единственная защита.

– От чего и от кого? – Голос предательски дрогнул, выдавая слабость.

– Да хотя бы от газура и его вауров, – отозвался жрец. – Я доставлю тебя на остров Гоотро, в крепость. Там красиво и просторно. Я всего лишь предложу тебе именем Сиирэл и волей храма исполнить древнее предназначение сиринов: участвовать в спасении нашего Древа и всех его жителей от очередной Волны. Это долг, но ведь и честь тоже. Я служу Древу и жизни... Газур иной, он сделает тебя оружием и вынудит причинять смерть и разрушение.

– Я откажусь, – уперлась Элиис.

– Тебе девять лет. В твоём возрасте рано узнавать правила жизни взрослого мира. Это больно. Но ты сирин. Придется быстро взрослеть под моей опекой или при ином наставнике. – Улыбка араави оказалась бледной и лишенной радости. – Думаешь, моя сирена хочет мне служить? Однако два дня назад она по моему приказу обольстила голосом посланника ваура. Убедила его, что в ничтожной долине не стоит искать обладателей божьей капли. Выведала, что свиток зуру этого острова отослал содержатель ориима, подробно описав все приметы и даже приложив рисунок твоего лица, заказанный в сезон дождей у даровитого переписчика рудникового ура. Знаешь, почему моя сирена так старалась?

– Ты строго приказал ей именем богини, – предположила Элиис после короткого раздумья.

– Лоота, сядь сюда, – подозвал сирену жрец.

Смуглая невысокая женщина покорно устроилась на краю циновки, низко и старательно поклонившись хозяину. Опустила голову, глядя в землю. Довольно молодая, может быть, чуть старше тридцати, красивая, сильная – и вся какая-то сломленная, погасшая. Руки едва приметно вздрагивают. Пальцы жадно шупают циновку. Голова то и дело дергается, когда сирена сглатывает. А потом язык облизывают сухие потрескавшиеся губы.

– Ты не даешь ей пить днем? – ужаснулась Элиис. – Так же, как и мне?

– Ей не вода нужна, – грустно отозвался жрец. – Даже храм опасается силы голоса сирен. Тех, кто не служит осознанно, приучают к соку цветка ош. Я полагаю, это способ решить сложный вопрос подчинения мерзким и неверным хозяевам. Но кто я такой, чтобы указывать самому владыке кораллового посоха Роолу...

Сирена оживилась, услышав про цветок, жалобно глянула на жреца и склонилась ниже, касаясь его колена лбом. Прошептала «пожалуйста» и снова жадно сглотнула, пробуя щекой тереться о колено и сдавленно, жалко постанывать и сплетать свои пальцы с рукой араави...

– Лоота, я ведь говорил тебе много раз, как это вредно, – укорил сирену жрец, отталкивая ее и убирая руку. – Я всеми силами убеждал тебя бороться с привычкой и хотя бы попытаться освободиться от нее. Ты еще молода, у тебя крепкое здоровье, есть надежда...

– Пожалуйста... умоляю!

На сей раз голос прозвенел тепло и доверительно. Женщина скользнула чуть в сторону, искоса глянула на араави, стряхнула с плеч платок и осторожно тронула колени жреца обеими руками, поправляя складки его одеяния. Темные глубокие глаза Лооты всмотрелись в жреца, а затем обратились к Элиис. Губы приоткрылись, дополняя просьбу едва различимым звуком. От него по спине поползли холодные капли пота, тошнота снова подкатила к самому горлу, в глазах потемнело. Исполнить желание сирены стало казаться девочке очень важным делом. Самым главным в жизни!

Араави толкнул голову сирены вниз, безжалостно вминая лицо в циновку. Жестом подозвал стража:

– Связать, рот заткнуть, чтобы не искушала голосом. Рядом есть ручей? – Араави дождался кивка и недовольно нахмурился. – Тогда как обычно, в воду ее. Замерзнет – придет в себя, так что тащить на берег не спешите. Опять же, как я читал в книгах храмовых лекарей, вода помогает отвыкать.

– Ты издеваешься над ней, – ужаснулась Элиис.

– Год назад я стал не просто риил-араави, держателем ветви служения на одном из срединных островов, а владыкой перламутрового жезла запада, – сухо сообщил жрец. Он заметил, как Элиис обшаривает взглядом его руки и пояс. Жезла там не было. – Конечно, я не ношу знак власти в руках. К чему мне это? Привлекать лишнее внимание и оповещать врагов о своем присутствии? Тем более здесь, на Тооди, весьма далеко от островов запада, где я держу ветвь храма.

– Вот и сидел бы на своих островах, – буркнула Элиис, пряча любопытство.

– Я прибыл сюда по воле самого кораллового владыки Роола. Сейчас он благоволит мне. Он оказал мне честь и посчитал, что я достаточно быстро исполняю сложные приказы, чтобы быть в силах опередить иных. Он прав, ведь ты находишься в этих носилках, а вовсе не в той клетке, какую приготовил ваур, заинтересованный в тебе. Итак, могу ли я продолжить рассказ, о божественная?

Элиис поежилась: хитрый араави умудрился втянуть ее в разговор, сумел заинтересовать и даже, кажется, очаровать, не используя особенного, данного лишь сиренам голоса. Ловок! Так внимательно слушает, так вежлив. Прежде никто из старших не уделял девочке искрен-

него внимания и не беседовал с ней на равных. Как не ответить? Поколебавшись, Элиис почти решила снова перейти на «вы» в обращении, ведь каждое «ты» жжет уши стыдом и першит в горле – недопустимо грубить араави! Но, едва открыв рот, она упрямо сказала то, что сказала:

– Да, конечно, я позволяю. Ты говорил про Лооту.

– Я получил сирену Лооту в свою личную охрану вместе с властью и перламутровым жезлом. Это был спорный по своей полезности довесок... Тогда сирена нуждалась в соке цветка ош самое малое четыре раза в день. Лоота плохо помнила свое имя, зато готова была по первому слову убить и умереть... Не получив ош, она кричала и билась, испытывая мучительную боль. – Араави нахмурился, повел плечами и глянул на Элиис то ли с насмешкой, то ли с пренебрежением, поди пойми его гримасу... – А ты говоришь – не стану оружием, я сильная и не склоню головы. Прежний араави запада дарил Лооту наиболее угодным зурам городов в дни больших праздников. Сирена танцевала для них. Пела, вплетая дар убеждения в музыку. Говорят, лишь песни медоточивых дают наслаждениям полноту. Еще она голосом лишала слуг и гостей, неугодных зуру, разума и даже жизни.

– Юго был прав, – мрачно отметила Элиис. – Все жрецы – людоеды.

– Юго, похоже, лучше тебя разбирается во взрослой жизни Древа. Но я поправлю его слова в одном. Не только мы плохи, – без радости сказал араави, не оспаривая самого обидного замечания. – Для сирина хороших хозяев, девочка, вовсе нет, ни здесь, ни где-либо еще в мире. Так что давай не создавать друг другу осложнений. Я обязан показать тебя единому владыке, держателю кораллового посоха. Роол стар и склонен к применению жестких методов воспитания в отношении тех, кто наделен каплей божьей. Он, скажу тебе по секрету, боится вас до потной спины. И значит, он желает, чтобы вы потели и дрожали еще сильнее – от одного звучания его имени.

– Не пугай меня, сушеная акула.

– Кажется, уже напугал... Прости, – усмехнулся жрец. – Я, Эраи Граат, готов поклясться именем Сиирэл, что не обижу тебя, не накажу без веского повода и никогда не стану приучать к соку ош. За прочих жрецов и тем более араави я, увы, не поручусь. Не позволяй своему упрямству разрушить лучший из путей судьбы. Я хочу привезти тебя к коралловому владыке здоровой, сытой, красиво одетой, спокойной. Послушной хотя бы внешне... Зови меня сушеной акулой и людоедом, не стану возражать. Но поклонись ему и признай себя сирином храма, чтобы не превратиться через несколько лет в такую вот Лооту.

– Пока что я пообещаю именем Сиирэл, что рано или поздно сбегу, – с веселым отчаянием заверила Элиис. – От тебя и от всех твоих наставников.

– Хорошо, – устало прикрыл веки жрец. – Только сперва поклонись владыке и этим дай самой себе время на подготовку побега. Ладно?

– Я подумаю.

Эраи Граат кивнул и сделал жест стражам, предлагая подавать обед. Девочка ела охотно, вполне довольная своим непобедимым и ненаказуемым упрямством. Жрец заинтересованно поглядывал на нее и улыбался уголками губ. Сушеная акула! Хорошее определение, весьма точное. Рядом с Элиис он как-то впервые задумался об утраченном и, к сожалению, невозвратном.

Семнадцать лет назад ему было семь, и он сам пил ледяную воду, чтобы погас голос, наделенный силой убеждения. Он справился с тем делом, как с любым иным, которое считал важным. Жалкие остатки дара, именуемого в больших городах проклятием, не показались храму настолько ценными, чтобы признать хрипло кашляющего заморыша сиреной. Никто не выделил серебра родителям, никто не надел на тощую шею золотой знак витой раковины и не начал дрессировать новую вещь храма. Насколько знал повзрослевший Эраи, жизнь в крепости, куда свозят молодых сладкоголосых, трудно назвать воспитанием... Он не желал иметь хозяев и служить чужой воле. Он своего добился.

Уже тогда, в раннем детстве, Эрай осознал наитием и рассудком ничтожность, а вернее, ущербность роли медоточивых. Он жаждал большего. Природа не наделила нищего заморыша силой мышц и непобедимостью боевого духа воинов древней крови. Родители не обеспечили сына неотъемлемой знатностью происхождения. Каплю божью он извел сам. Что осталось? Ум и усердие. Такт и ловкость. Бесконечное трудолюбие. Он поставил цель и шел к ней, лишив себя всего, что было и еще есть у Элиис. Детства, друзей, беззаботности...

Ему исполнилось восемь, когда он, сосредоточенный и серьезный мальчик из небогатой семьи Граат, пришел в храм и попросил о возможности служить в нижней ветви. Он явился к воротам из путаницы тесных гнилых улочек пригорода, куда ночами не решались сунуться воины ваура. Он выжил там и заранее выучил нечто важное для избранного пути. Досконально знал все церемонии, владел даже малоиспользуемыми диалектами окраинных островов, писал без помарок на современном и древнем, почерк был великолепным и ровным... Его сочли ценным и приняли, даже выплатили семье серебром за утрату наследника.

Эрай быстро освоился в храме и научился понимать, какие качества замечают и относят к достижениям. В десять он перешел во вторую ветвь, в четырнадцать стал ею управлять, ради нового шага по лестнице власти безропотно перебравшись на крохотный островок в западной части Древа. Туда, в нищее захолустье, не пожелали плыть более взрослые и менее расчетливые. Он трудился неустанно, укрепляя малый храм. И был замечен. К шестнадцати поднялся еще выше, войдя в число немногих избранных. Его уже почтительно называли «энэи Граат», ему кланялись, со смесью удивления и небрежности окидывая взглядом худую фигурку недоросля. Небрежности становилось все меньше, зато опасливое удивление росло. Сперва преемник первого жреца острова, затем избранный последователь самого риил-араави и чуть позже – наследник перламутра запада, кто же мог такое предположить? Только он сам, выбравший для высшего служения остров и храм, где владыка был самым пожилым из всех прочих.

Право именоваться риил-араави перешло к юноше в двадцать один, едва он достиг второго возраста зрелости, позволяющего принять столь высокое звание и немалую ответственность. Два года спустя он уже получил и перламутровый жезл силы. С должным смирением возблагодарил богиню и ее служителей. А как иначе? Он знал, что теперь надо придержать свою неуемную жажду власти. Нельзя показывать, что ты мечтаешь как можно скорее добраться до цели! Нельзя даже дать намек, что есть столь опасная цель. Надо сидеть по возможности тихо и копить силы. Искать союзников и по крупице собирать влияние. И он кланялся, источая мед не хуже сирен, улыбался, был полезным и демонстрировал кротость. Но внутренне ничуть не изменил своего намерения стать коралловым владыкой, главой храма, самым свободным и влиятельным человеком Древа. Владыке, ему одному и никому более, даже сам повелитель Древа, его великолепие газур не указ. Владыка и иные служители высшего ранга – единственные, кто по-настоящему наделен знаниями, памятью, опытом. Если решиться хотя бы мысленно высказать правду, то придется признать, что именно владыка повелевает островами. Тихо, негласно и очень надежно.

Он близок к цели. Так почему сегодня изводит время без пользы, остановив движение отряда и разговаривая с упрямым ребенком? Почему отослал коня вперед и шагает пешком, сбивая ноги?

Сирин – не человек и не собеседник, но всего лишь ключ к воротам столичного храма. Так он сам говорил себе не раз. И это правда...

– Скажи мне, у тебя остались там, в деревне, друзья? – продолжил делать глупости араави.

– Не знаю, – до слез расстроилась девочка. – Может, да. А может, уже и нет... Твои стражи, наверное, совсем погубили Юго.

– Мои стражи, уж поверь не мне, так хотя бы им, редко обижают детей. У меня с воинами древней крови очень доверительные отношения, мы почти друзья, – убедительно произнес Эрай. – Скорее всего, они были несколько грубоваты с твоим приятелем, поскольку опасались

усердия Лооты, которая весьма давно не получала сок ош и оттого стала очень опасной. Раз судьба друга беспокоит тебя, давай все выясним о нем. Кто из моих воинов видел мальчика по имени Юго?

– Не знаю, – растерялась Элиис. Даже виновато пожала плечами и зашептала: – Они так похожи... Я сперва решила, что они вовсе не живые. Каменные, двигаются одной только силой голоса сирены. Так купцы иногда говорили.

– Купцам трудно верить, у них вся жизнь – торг, а первейшее их оружие – лукавство... Не могут сирены оживлять камень. – Араави нагнулся к самому уху Элиис: – Честно. Я скажу тебе больше: самые сильные из сирен все равно не умеют навязывать свою волю тем, кто крепок душой и стоек в убеждениях.

– Людоедам, – уперлась Элиис, отодвигаясь.

– Тебе, – подмигнул араави. – Ты не утратила контроль над собой, попав под влияние голоса Лооты. Кстати, тем самым подтвердила, что являешься сирином.

– Как это? – удивилась Элиис.

– Сиринов зовут старшими детьми богини, – улыбнулся араави. – Разве ты не слышала легенду о детях Сиирэл?

Элиис покачала головой, сосредоточенно обглаживая косточку. «Еды на выставленных на циновке подносах много, но привычка прежней голодной жизни не уйдет за один день», – подумал араави. И еще раз отметил, что его путь избран верно. Острова кораллового Древа нуждаются в переменах. Он оплатит посох из красного, как кровь, коралла, доставив в храм на Гоотро этого ребенка. Обязательно убедит девочку хотя бы казаться покорной. Она мила, неглупа и обладает, сразу видно, ярким и могучим даром. Море в ее взоре живет даже здесь, на горном перевале, вдали от берега. Владыка будет доволен.

Араави подозвал старшего стража и велел уточнить, кто стоял под окнами родного дома божественной. Через несколько мгновений двое огромных воинов, схожих, как капли дождя, подошли и с поклоном замерли в шаге от обеденной циновки. Оба возвышались над слугами: они были самое малое на голову выше любого иного жителя островов. Воины выслушали вопрос и обстоятельно изложили известное им.

– Мальчик цел, очнулся быстро, – хором сообщили они. – Когда божественная покидала дом, ее приятель уже сидел под самым окном и плакал. Потом получил свой нож и убежал.

Элиис кивнула, обрадовалась и старательно скрыла свою радость. Благодарить вслух «сушеную акулу» она не стала. Но, подумав, согласилась съесть предложенный араави сыр. И слушала легенду о богине охотно, заинтересованно.

– В незапамятные времена, когда острова кораллового Древа были молоды и дики, – начал рассказ Эраи Граат, – они уже знали ярость океана, но не имели от нее защиты. Каждое поколение людей готовилось к концу мира, именуемому исчерпанием суши. Ужасный день не был далек и маловероятен, он приходил совсем по-настоящему и неизменно собирал кровавый и страшный урожай жизней в заранее известный срок. Раз в полвека гигантская Волна вставала на юго-западе, катилась, с ревом перемахивала через низкие барьерные рифы возле кроны Древа, одним движением глотала область побережья всего огромного полукружия внешних больших островов, накрывала плодородные земли, оставляя морскую пену даже на самых высоких горных кручах, и, не насытившись, мчалась на север, не ослабляя натиска и не теряя высоты. Лишь в малом числе относительно безопасных пещер северного склона высочайших гор прятались уцелевшие люди, те немногие, кто успевал добраться до надежного убежища. Несчастные дрожали, теснились, жалкие и мокрые, слушали рев одичавшего моря. А потом вслушивались в долгожданную тишину, которая разрешает выйти на свет и жить еще пять десятков лет в относительном покое. Хотя что это за покой? Когда смолкал грохочущий гнев океана, невозможно было смотреть без слез на пустую мертвую землю, с которой за считанные минуты великая Волна стерла людей, дома, поля, тропы, лодки, сети...

– Каждые полвека? – тихо уточнила Элиис.

– Да. И всякий раз нашим предкам-оримэо приходилось начинать все заново: собирать обломки, жить скудными припасами, надеяться на милость природы, умолять Сиирэл о богатом улове и молиться ей же, убеждая ниспослать дожди в срок и затем дать щедрый урожай первого года. Иначе – голод, который не менее смертоносен, чем Волна.

– Безнадёжно получается, – нехотя признала Элиис.

– Так было, пока однажды богиня моря Сиирэл не полюбила юношу из рыбацкой деревеньки. Он был силен и смел, его сеть всегда добывала богатый улов. Еще он был добр и не брал лишнего у моря, а добытым делился с соседями. Вдобавок к сказанному, как утверждает легенда, и разве можно ждать иного – юноша был красив. Неведомо даже сказителям, что тронуло сердце вечно живущей и капризной, как бескрайнее море, богини, но она полюбила и стала часто навещать острова. Вот только в очередное свое посещение Сиирэл не застала того, к кому стремилась всей душой. Волна подстерегла лодку отважного рыболова у самого берега и разбила в щепы.

– Так богиня же всемогуща, – укоризненно подсказала Элиис хороший конец истории. – Она могла и воскресить себе мужа, правда?

– Увы, она даже не нашла его тела в полосе усталого прибоя, перемивающего обломки утраченной жизни... Акулы пришли к берегу раньше – так бывает, маленькая Элиис. Акулы пировали, им и богиня не указ. Поплатились злодейки тем, что были лишены права жить, как иные рыбы. Пока они работают хвостом – плывут и живут, но всякая остановка топит акул, нет для них, людоедов, благословения моря, – пояснил араави, убирая сыр и наливая воду во флягу Элиис. – Долго плакала Сиирэл, роняя жемчужины слез. И, безутешная, позволила своим детям остаться жить на берегу людей, чтобы никому больше не пришлось терять любимых. Сына ее звали Сирин, и он был похож на отца, смелым и сильным. От матери получил ее синие глаза неба, взирающего на океан. Сирин умел понимать и чувствовать море, даже спорить с ним и обуздывать безумие штормов. Он и его потомки никогда более не позволяли Волне разрушать сушу, вовремя высматривали и успокаивали ее, используя свою могучую силу, влившую в их кровь с каплей божественного родства, – понятную океану речь.

Араави усмехнулся и замолчал. Вечер задергивал полог сумерек, прятал горы в туманной дымке. Звуки обретали гулкость эха, близкого и чуть глуховатого... Сказка о Сиирэл хороша для такого времени суток. Вдвойне она удобна в разговоре с детьми. А самому во что верить? В любвеобильную и неуравновешенную богиню, в ее бестолковых детей? Вроде бы смешно и нелепо... Но Волна есть. И дар сирен, и божественная, обреченная и трагическая способность сиринов, тоже есть...

– Дочь богини моря, Сирена, унаследовала красоту матери, – вздрогнув и выйдя из задумчивости, продолжил Эраи. – Получила она и голос матери, сладкий, как мед, и чистый, как рассветная роса. Внимающие верили каждому слову и забывали свои печали. Позже сиренами и сиринами в равной степени становились и мальчики, и девочки, капля божья, малая толика души моря, не выбирала в сирины только мужчин и не предпочитала особо женщин в качестве сирен. Никто не знал, когда и как проникает в кровь человека капля божья. Может, проливается с дождем? А может, ее выпивают из горных ручьев, звенящих смехом... Но дар всегда проявлялся постепенно, и даже самые опытные жрецы храма не могли уверенно опознать в ребенке ценные задатки и понять их силу ранее, чем он достигал возраста шести-восьми лет. – Эраи осторожно улыбнулся и завершил рассказ должным образом: – Сирен и сиринов со временем стало довольно много, и острова зажили счастливо, забыв об ужасах разрушающей Волны.

Изложив эту полуправду, араави смолк. Продолжение легенды он оставил невысказанным. Зачем прежде срока портить ребенку сказку? Ведь вторая часть истории, в отличие от

первой, вполне правдива. Ее подтверждают книги храма, хранящие записи за много лет и даже веков.

Сирен стало много... именно так! Люди, наделенные каплей божьей, – всего лишь люди, и они по-разному толковали и использовали чудо, дарованное богиней. Исходно капли дара предназначались для общего блага. Но доставались-то они избранным. Детям, которые вырастали и выбирали свое место в жизни островов. А с ним – и размер благодарности всего архипелага кораллового Древа за право прикоснуться к полезному дару. Сирены сочли себя полубогами и неровней прочим людям.

Одни медоточивые пожелали великой власти, иные упивались силой, карающей неугодных, а кое-кто уходил прочь от людей, мечтая о покое. Сиирэл, как гласит легенда, смотрела и плакала, не в силах изменить однажды созданного. Разве можно лишит людей защиты? И стоит ли к тому же управлять ими, отнимая еще и свободу выбора пути? Ведь, как бы ни ошибались потомки ее детей, сирины и сирены, но благодаря им мир кораллового Древа жил, снова и снова избегая ужаса встречи с губительной Волной...

Красивая легенда. Эраи Граат чуть насмешливо pokrивил губы. Сказители умеют вкладывать живую душу в простые и довольно грязные истории. Существовала ли богиня, снисходила ли до смертного и оплакивала ли его? Судя по обилию жемчуга в прибрежных водах, нет конца ее печали. Так говорит и храм, и он сам, жрец верхней ветви, голос богов. Но говорить и верить – это не одно и то же.

– Зачем же запирать сиринов и поить сирен соком ош? – резонно удивилась Элиис, не дождавшись новых слов и изнывая от молчания, висящего в воздухе, удушающе-мучительном после волшебства сказки, незавершенной и весьма далекой от нынешних дней.

– Основа силы перламутровых жезлов – именно сирены. Их сила, влитая в золотую оправу древними... Увы, мы многое утратили и новых жезлов создавать не умеем, – тихо молвил Эраи. – Это великая тайна храма, и я прошу тебя не делиться ею ни с кем.

Элиис удивленно нахмурилась. Заглянула в тусклые утомленные глаза араави. Высмотрела там нечто – и серьезно кивнула.

– Голоса поющих полны очарования, неодолимого для простых людей и опасного для правителей. Отлично известно и до сих пор памятно, что три сотни лет назад сирены подняли бунт против храма, нашептав капитанам флота слова о мести. Они хотели не свободы – они хотели куда большего. Власти, полного подчинения всего Древа. Ведь голос позволяет управлять почти что каждым и отдавать приказы, не вызывающие сомнения. Пять крупных и десятки островов помельче сдались очарованию меда их речей и познали безжалостное правление сирен, не сдерживаемых более жестоким храмом. Стирание личности, труд до полного изнеможения, нищета, кровавое подавление малейшего проявления самостоятельности – сопутствующие признаки этого правления.

– Как страшно, – поежилась Элиис.

– Тут ты права, было тяжело... Всем стало страшно. Из страха и произрастает жестокость. С тех пор сирен выискивают еще детьми, пока они слабы. Их ломают и укрощают. Храм сперва придумал браслеты, позволяющие всегда знать местонахождение сладкоголосых и ограничивать их передвижение одним островом, а то и городом. Мы не умеем делать браслеты, это знание утрачено. Позже придумали иное средство, стали использовать ошейники, сокращающие воздействие голоса до нескольких десятков локтей. А теперь вот – цветок ош и клятву...

– Но у меня нет голоса, обманывающего и подчиняющего, – заверила Элиис. – За что меня – в клетку?

– Это тоже тайна, – вздохнул араави.

– Я больше не стану звать тебя людоедом, – вступила в торг Элиис. – Расскажи. Честно, никому и слова не передам!

– Верю. – Араави улыбнулся: вот и дало трещину детское упрямство! – Сирины не поддаются влиянию и управлению. А еще подобных тебе всегда рождалось слишком мало. Чтобы Волна не прорвалась к берегу, надо защитить сушу. С такой целью и выстроены башни на юго-западных и южных островах кроны Древа, корни которого ориентированы на север, а малые острова-ветви тянутся на три стороны света, формируя полукруг кроны. Сирины должны жить хотя бы в двенадцати башнях, иначе никто не может быть уверен в безопасности побережья. Храм опасается, что вы не останетесь в башнях по доброй воле.

– Это и есть тайна?

– Часть ее. – Эраи нахмурился, обдумывая правильность продолжения беседы. – Ладно! Вот тебе вся тайна.

Теперь араави склонился действительно к самому уху и выдохнул слова на редкость тихо:

– Воды вам послушны. Я уже говорил, ты слушала без внимания: вы можете стать оружием. Не умирять Волну, а создавать бури и штормы, губя целые острова.

– Но я не хочу их губить! – охнула Элиис.

– Вспомни про сушеных акул, людоедов и особенно – про цветок ош, – грустно предложил Эраи.

Элиис прикусила губу и виновато смолкла. Ответа у нее не нашлось. Но, судя по упрямой складочке на лбу, мысль засела в сознании глубоко... Закончив ломать последнюю лепешку и вдоволь напившись, девочка нехотя уселась в крытые носилки. Свежесть вечера и усердное проветривание удалили духоту. На повторное предложение араави дать обещание не пытаться сбежать Элиис упрямо замотала головой. Сытость и отдых вернули силы – и для сопротивления в том числе.

Сквозь узкую щель в занавесях Элиис тайком следила за тем, как собирают лагерь. Видела бледную, мокрую с ног до головы сирену, устало опирающуюся на руку одного из стражей. Лоота больше ни о чем не просила, однако выглядела ужасно. Эта страдающая от озноба и тайной боли женщина вызывала у Элиис двойственное чувство: с одной стороны – отвращение к храму с его принуждением и неволей, а с другой – страх перед медоточивым голосом, силу которого ей недавно довелось испытать на себе.

Едва Лоота присоединилась к отряду, как араави Граат, ненадолго показавшийся не самым худшим из жрецов, снова стал виновником всех бед большого мира... Жестоким, опасным, непонятным. Он безразлично кивнул сирене, и та склонилась до земли, униженно умоляя о прощении. Носилки взмыли вверх, закачались на широких плечах стражей, камни тропы захрустели под их ногами, а сирена все шептала, жалко тащилась за араави и непрерывно извинялась.

– Если сок цветка – единственное стремление, доступное тебе, – нехотя молвил араави, ускоряя шаг и вырывая из рук женщины край своего одеяния, – отправляйся служить риил-араави острова Доито. Он будет добрым и заботливым хозяином. К тому же он стар и ему, живущему уединенно и лишенному жажды власти, нет причин бояться твоего предательства. Я сам прикажу выдавать тебе сок ош один раз в день, по допустимой и наименьшей потребности, утоляющей боль.

– Пощадите, – всхлипнула женщина, падая на колени. – Вы вернули мне память и надежду, как я могу снова все потерять? Поверьте мне, я вам верна. Храму верна.

– Ну да, еще как верна, – сухо усмехнулся араави. – До заката. Когда год назад я взялся избавить тебя от пагубного пристрастия, мне и в голову не приходило, что эта беда столь велика. С каждым днем я все больше сомневаюсь в самой возможности исцеления, Лоота. Иди, довольно ныть. Я не намерен вытирать сопلي каждой дурной сирене.

Лоота окончательно сникла. Араави сделал несколько быстрых шагов, сердито тряхнув головой, затем остановился, обернулся, со смесью раздражения и сочувствия изучая склонившуюся к камням тропы женщину. Подошел к носилкам и чуть поклонился:

– Божественная, а не окажешь ли ты милость моей сирене? Полагаю, идти своими ногами она сейчас не в силах. Между тем времени нет. К восходу нам следует быть за перевалом, на слиянии двух троп. Нас там ждут.

– Окажу, – неуверенно отозвалась Элиис.

– Похвальная сговорчивость. Лоота, живо забирайся в носилки. Там тепло и удобно. Задернешь шторы, переоденешься в сухое, отдохнешь. Заодно в оплату доброты приведешь в порядок волосы сирена.

– Благодарю, – тихо прошелестел голос.

Тепло колыхнулось в нем, вызывая приязнь и мягкую радость. Девочка чуть поморщилась. Влияние сирены, пусть даже неосознанное и не направленное во зло, было ей противно. Оно казалось подобным злой шутке, однажды проделанной деревенскими мальчишками над слабой и незащищенной малышкой Элиис. Принесли кувшин со свежим жирным молоком, сказали:

– Пей, подарок.

Поначалу было приятно и радостно. Но на дне оказалась грязь...

Дети смеялись, держали за руки и плечи, пытались влить в горло и остатки молока, и окслизлую глинистую мерзость. Юго не допустил. Он был не самым крупным и крепким, но каким-то безмерно отчаянным. Врезался в общую кучу с разбега, раскидал всех, ругаясь и угрожая. Шутники сбились в плотную группку. Пошушукались и отступили... Они уже усвоили: Юго упрям. И если кого-то счел врагом, непременно отомстит, даже более сильному, старшему. А еще мальчика по-своему уважали. Он никогда не ходил жаловаться к отцу, не пытался втягивать в свою детскую месть взрослые истории с денежными долгами.

Сирена забралась в носилки и виновато сжалась в уголке, перебирая вещи и вздрагивая. Сперва Элиис решила – от холода. Потом разобрала, что женщина совершенно беззвучно плачет, глотая слезы и стараясь не поднимать головы, сохраняя свое состояние малозаметным.

– Тебе плохо? – испугалась Элиис.

– Нет, – замотала головой сирена. – Мне хорошо, божественная. Эраи Граат – самый добрый на всем Древе араави, он ничуть меня не обижает. Он достоин уважения, он разрешает мне помнить, кто я. Даже помогает.

– Странная доброта, – буркнула Элиис, отнимая у сирены большое мягкое полотнище и начиная сушить ее волосы. – Ты его боишься. Он тебе не верит.

– Когда я была мала и жрецы только заметили мою каплю божью, – тихо сказала сирена, – меня не везли в носилках и не звали дочерью богини, пусть и младшей ветви родства. Всех нас гнали, надев на шеи колодки, скрепив в ряды по трое. Горло деревяшками сдавили так, чтобы ни звука не вырвалось. Руки синели в обручах. Кормили нас всего один раз в день, и то при условии, что никто не разозлит стражников. Мы шли долго, я помню, как сперва болели ноги, а после уже все стало безразлично... Наконец нас доставили в крепость и там стало по-настоящему плохо. Нас учили послушанию. Тебе лучше не знать как. Никому лучше не знать. Теперь в западной крепости так не поступают. Наш добрый энэи Граат запретил.

– Подумаешь, – отмахнулась Элиис от сказанного. Считать араави «хорошим» она не желала.

– Сначала я боялась и исполняла все, – так же тихо прошептала сирена. – Потом не смогла. Один из нас провинился. Мне приказали убить его, используя яд голоса. Мы ели за одним столом три года. Его вывели на край скалы. И я... мне приказали, а я послушалась.

Сирена сторбилась и в отчаянии закрыла лицо руками. Элиис испуганно замерла. Отложила ткань и стала расчесывать темные густые волосы, прядь за прядью, иногда осторожно глядя вздрагивающие плечи женщины. Та не возражала и, кажется, даже ничего не замечала. Совсем тихо и быстро, так, что половину слов не разобрать, шептала о прошлом. Едва ли она прежде говорила хоть кому-то столь тайное и страшное, памятное и ненавистное. Шаг за

шагом. Как ее привели в подвал и как туда же доставили приговоренного. Как снова и снова требовали исполнить волю жрецов-наставников. Как топили, вынуждая захлебываться, снова приводили в сознание и снова требовали убить... Пробовали иные способы воздействия.

Элиис прочесала последнюю прядь. Собрала волосы сирены на затылке и связала своей самой красивой ленточкой. Лоота наконец выдохлась, иссякла и замолчала. Долго сидела неподвижно, закрыв лицо руками. Потом попросила флягу, напилась.

– Спасибо, – попробовала улыбнуться она.

– Ты все же уступила?

– Я была глупа, – прикрыла глаза Лоота. – Более умные уступали сразу, поскольку поняли: когда сирене исполняется семнадцать, ее испытывают на послушание. Мне не позволили бы его убить... наверное. Скорее всего, именно так! Но я тогда была глупая, я не понимала, что мое дело – подчиняться жрецам и совершать в точности то, что мне велено. Не думать, только выслушивать приказ и исполнять. Я просто не знала, что может случиться с непокорными. Меня заперли в отдельной комнате. Десять дней не трогали. Я думала, простили или, наоборот, решили казнить. А они просто ждали, пока до крепости доберется тот, кого назначили мне в мужья. Дети от двух родителей-сирен часто имеют очень сильный дар. Через год у меня родился сын. Я точно помню, – губы Лооты жалко дрогнули, – именно сын. Я очень хорошо помню, он был здоровый мальчик, веселый и славный. Он хорошо кушал и быстро рос... Я тогда не пила сок ош, я все помню... Когда его отобрали, вот тогда все и началось. Помню, как приучали. Как доставили к хозяину... я сразу привыкла его звать именно так – хозяин. Помню три года жизни на Гоотро, я была молода и приносила много пользы храму.

– Переодевайся, ты вся дрожишь.

– А дальше... дальше все стерто. Десять лет жизни, вся моя молодость – как будто ее и не было, – с ужасом прошептала сирена, неловко стаскивая длинную рубаху. – Десять лет, а то и больше. Я не помню ничего!

Лоота быстро закуталась в ткань и теперь сидела неподвижно, уставившись невидящим взглядом в одну точку на полу. Элиис стало совсем жутко от тяжести прошлого этой женщины. Вдобавок перед глазами до сих пор была кожа на спине Лооты, которую удалось рассмотреть во время переодевания сирены. Рыхлая, бугристая, сильно попорченная то ли плетью, то ли тонким прутом. Не имея сил отказаться от поиска новых следов прошлого, Элиис изучила лицо и руки Лооты и заметила глубокие следы на запястьях. Сирена догадалась, неловко спрятала руки под ткань.

– Это появилось, уже когда я стала нехороша для Гоотро и меня вышвырнули из столицы, передали нищему западу... Доставили на остров Аоок. – Сирена нехотя выдавила пояснение и поморщилась. – Я поняла, что растворяюсь в этом проклятом соке ош... Хотела умереть. У ракушек острые кромки. Очень острые. Но за мной следили. Дальше я не помню совсем ничего. Сплошные обрывки, я не знаю, где правда, а где сны.

– И как же твой сын?

– Араави Граат обещал найти его, – вскинулась женщина. – Он добрый, он исполнит. Сказал, у меня уже взрослый мальчик. Ему должно быть теперь пятнадцать. Мне нельзя просить сок ош. Понимаешь? Никак нельзя.

– Но ты просишь, – отметила Элиис, выбрав самую красивую рубаху из стопки. – Такая годится?

– Любая годится, – благодарно улыбнулась сирена. – Ты тоже добрая. Ты меня не презираешь. И даже стараешься не бояться. Обычно нас опасаются. Сиренам, которых храм отдает для охраны газура, в присутствии знатных энэи надевают намордники, чтобы мы не могли не то что использовать голос – даже рта открыть. Я знаю, когда я была молода, меня хотели продать в жемчужный дворец на Гоотро.

Сирена натянула рубаху, еще раз благодарно улыбнулась и взяла гребень. Стала расчесывать волосы Элиис, тихонько напевая песенку про удачливого рыбака. Счет улова казался нескончаемым. Девочка зевала, встряхивалась и снова задремывала, убаюканная легким и сладким напевом. Прикосновения пальцев сирены к волосам были приятными и едва ощутимыми. Наконец, когда прическа оказалась готова, женщина склонилась к самому уху Элиис и шепнула одними губами:

– Мне надо получить совсем немного сока ош. Просто чтобы я смогла спокойно спать. Понимаешь? Это не вредно. Добудь. Скланка у араави, я знаю. Запомни, скланка у араави, в его пояском кошеле. Запомни...

– Ты... – Элиис резко вскинулась, отстраняясь. – Правильно тебе не верит араави!

– Молчи! – Негромкий вроде бы голос вдруг сделался жестким и ударил, как плеть.

Носилки тотчас замерли, дверца с треском распахнулась. На сей раз араави был в самом настоящем бешенстве. Элиис сдавленно охнула. Ей и в голову не приходило, что сухой усталый мужчина может выглядеть настолько страшно. Вроде бы ничего не делает – просто смотрит. А действует его взгляд куда сильнее, чем голос сирены. Этот взгляд скрутил Лооту в комок боли, бросил на пол носилок. Женщина всхлипнула и стала часто и мелко дрожать, повторяя: «Простите». Без конца, одно слово...

– Полагаю, Лоота уже отдохнула и может идти пешком. – Тон араави не предполагал возражений. – Элиис, все хорошо?

– Да. Ты будешь ее наказывать? Даже если я попрошу не делать ей дурного?

– Кто же пойдет против первой просьбы божественной? – слабо усмехнулся араави, и его гнев угас. – Лоота, поблаговари сирина. Пока, так и быть, ты можешь остаться в носилках, если будешь хранить молчание. Скоро мы достигнем лагеря, его огни уже видны впереди. В путь!

Последние слова предназначались носильщикам и стражам. Те не замедлили исполнить приказ. Элиис откинула занавесь и стала смотреть на ритмично покачивающуюся долину. Темнота и уклон тропы спрятали горы. Фиолетовое плотное небо было накрепко пристегнуто к своду мира гвоздями звезд. Широкие листья шелестели и у самых носилок. Тропа едва намечалась в буйной растительности, заметная лишь по белым камням с двух сторон, выложенным ровными нитками. Была она незнакомая, новая: сюда, за верхний перевал, из деревни никто и никогда не выбирался. Зачем? Путь через горы неудобен. К побережью куда проще добраться по воде, огибая остров. Не так уж он и велик. Но упрямый араави отчего-то избрал трудный путь...

Два факела в руках стражей казались пойманным в плен и сопровождающим отряд закатом, пока Элиис не посмотрела в оконце. Теперь же она с удивлением озиралась: ночь! Глубокая – пожалуй, даже перешагнувшая середину. Араави отослал стража вперед и пристроился у самых носилок. Улыбнулся сирину:

– Упрямая, как насчет обещания не сбегать? Хотя бы до рассвета. Я желал бы кое-что тебе показать. Совсем недопустимое для сиринов, но весьма важное.

– До рассвета... – напоказ задумалась Элиис. И, кое-как выдержав несколько мгновений, кивнула: – Да, но не более того, так и знай!

– Так и знаю, – отозвался араави. – Выбирайся, идем. Я отослал его вперед... Люблю красиво удивлять, грешен. Ну вылезай, не сопи. Это не обман, а небольшой подарок. Без подвоха. Слово даю.

Элиис хмыкнула, нехотя признаваясь себе: она верит араави. И ей интересно. И носилки надоели так окончательно, что хочется не вылезти – а выпрыгнуть!

То, что увидела Элиис, покинув носилки и оглядевшись, привело ее в восторг.

Коняка. Кажется, так этот загадочный зверь называется. Почему-то гости ориима всегда твердили, что коняки ужас какие злые, и даже называли их чудовищами... А поди проверь, врут ли: на всех островах коняк так мало, что можно прожить жизнь и ни одной не увидеть.

Ей повезло. Коняка стояла возле араави и усердно выгребала мягкими губами что-то вкусное из хозяйской ладони. Коняка была огромная, намного крупнее барана, на котором однажды удалось посидеть верхом и даже прокатиться. Юго держал рогатого, а Элиис каталась, хохоча и взвизгивая от радости. Потом, само собой, крупный сильный баран стряхнул верного Юго, она тоже свалилась... Пришлось бежать, уворачиваясь от рогатого строптивца, возмущенного «укрощением».

Коняка стояла смирно. Была она вся, до последней шерстинки, белая. Шкуру имела тонкую, с коротким ворсом. Зато волосы на шее и хвост впечатляли.

– Коняка, – восхищенно прошептала Элиис. – Живая! Я точно не сбегу до зари. И даже до вечера!

– Не коняка, а конь, – рассмеялся араави.

Смеялся он впервые за все время, что Элиис была с ним знакома. И показался вполне себе обычным человеком, живым и настоящим, тоже впервые. Никакой он не ужасный людоед. Просто устал безмерно и, судя по всему, очень хочет спать. Вон как веки опухли. И лицо стало окончательно бледным, осунулось еще сильнее, вроде даже пожелтело.

– Ты устал, – посочувствовала Элиис.

– Охранять сирина трудно, ты во всякий миг готовишь побег, – отшутился Граат. – Иди сюда, я посажу тебя в седло. Мы поедем на самый гребень склона. Доберемся туда и затем вернемся.

– А ну как коняка меня скинет? – осторожно выказала опасение Элиис.

– Его зовут Коор. – Араави хлопнул коня по шее. – Он добрый и вообще не обижает детей. К тому же мы поедем вдвоем. Неужели ты боишься?

– Я ничего не боюсь.

– Так я и думал, – серьезно кивнул Граат.

Понять, не прячет ли он улыбку, не удалось. Араави сразу отвернулся к коню, поудобнее перехватил ремни в руке и как-то очень сразу и ловко оказался вверху, на белой спине. Страж бережно обнял Элиис, поднял и усадил боком на колени к араави.

Девочка восторженно вздохнула. Торопливо вцепилась одной рукой в длинные волосы на шее коня, а другой – в пояс араави. Отсюда весь мир – внизу! И носилки невысоки, и даже огромные стражи смотрят на нее снизу вверх. Никакие они не каменные – улыбаются...

Конь переступил ногами, земля покачнулась, провалилась куда-то и снова вернулась. Элиис счастливо взвизгнула, намотала гриву на кулак и впилась в одеяние араави.

– Поедем быстро, – предупредил тот.

– Хорошо, – обрадовалась Элиис.

Уверенная и надежная рука Граата обняла за плечи, сберегая от опасности падения. Его ноги сжали бока коня – и белый рванул вперед, словно собирался взлететь. Прыжок получился длинным. Он взмывающего, летящего движения горло перехватило горячим восторгом, смешанным с холодком ужаса, сбегаящим по спине. Новый прыжок, и еще.

Элиис раскинула руки и засмеялась. Лететь оказалось не страшно и не сложно. И коняка вовсе не пытался сбросить, как глупый баран! Он считал араави другом. Может, он один во всем отряде не был ни вещью, ни рабом, ни даже слугой...

Туман в полете показался плотным, запахи спрессовались, воздух стал подобен ткани, влажной мягкой ткани, гладящей кожу. Стук ног коняки – звать его конем сразу не получилось, привычка сильнее понимания – отмерял рывки его движения. Элиис быстро освоилась и совсем перестала бояться. Втайне от самой себя она твердо верила: сушеная акула держит ее бережно и крепко, так что уж всяко не отпустит руки, а значит, падения не случится. Этого хитрющего араави даже сирены боятся.

Эраи откинулся назад, и конь пошел медленнее. Руки Граата вложили в ладони Элиис два ремня.

– Это поводья, – малопонятно пояснил араави. – Правый повод на себя – и Коор пойдет вправо. Левый потянешь – отклонится влево. Все просто. Управляй.

– Сама? – восхитилась Элиис.

– Конечно, – весело отозвался араави. – Ты же ничего не боишься. Коор таких уважает.

– А откуда на нашем острове коняка? – спросила Элиис, усердно натягивая правый повод.

– Это мой конь. Я ведь все-таки перламутровый араави, весьма важный жрец, – серьезно пояснил Граат. – Коор уже не молод. Ему на год больше, чем тебе. Скоро мне привезут нового. Не думаю, что он будет так же хорош. С этим мы друзья. Но я мог бы поселить Коора в твоей крепости, чтобы он прожил спокойную и долгую старость. В столичной крепости сирина есть удобные луга, ему там будет хорошо. Лучше, чем в замке сирен.

– В каком еще замке? – заподозрила неладное Элиис.

– Если ты не примешь коня в подарок, его придется отдать молодым сиренам как учебного. Там, в общем-то, неплохо, полный уход и корма вдоволь. Но сирены – они такие... Порой мстят за обиды своим ядовитым голосом.

– Ты решил меня хитро подкупить, – догадалась Элиис.

– Да, я долго выбирал годное для торга условие, – не стал спорить Граат.

– Ловко, – задумалась Элиис, глядя волосы на шее коня. – А почему он лохматый и белый? Седой?

– Кони бывают разных цветов, которые называют мастями. Белые действительно седые. Но не от старости, просто такими их создала богиня. Коор седой уже восемь лет. А лохматый... Это называется грива. Ее надо расчесывать и еще ее можно заплетать в косички, украшать лентами. Или даже жемчугом. Я научу тебя, выделю ленты и жемчуг.

– Ты слишком уж хитрый, – запереживала Элиис, не имея сил отпустить гриву и не в состоянии даже в мыслях расстаться с конякой. – Тебе трудно возражать.

– Надеюсь... Вот мы и приехали, – отметил Граат. – Это ребро горы, с него видно очень далеко во все стороны. Древний канон храма строго запрещает сиринам смотреть на море. Но отсюда, издали, я разрешаю. Только не говори коралловому владыке о моем самоуправстве, он очень рассердится.

– Не скажу. К тому же ничего не видно.

– Рассвет близок, не спеши. Смотри туда, в туман. Ты же сирин. Ты должна сердцем ощутить дыхание глубин. Если сладишь – туман уйдет. Ну же, или я зря все затеял и нарушил запреты?

Элиис кивнула и стала сосредоточенно смотреть. От усердия хотелось прикусить губу. Правда, Юго утверждал, что это плохая привычка: нельзя так явно выдавать свои сомнения. Море всегда было его мечтой, желанной и прекрасной. «Оно синее, – повторял Юго. – Оно дышит свежестью и брызги его соленые, белые и пушистые. Иногда море гладкое, как вода в бочке. А порой бешеное, вздымающее волны в рост родных гор». Много слов и, увы, все сказанное – одни лишь пустые слова, перенятые из чужих разговоров. Что таится за ними?

Элиис смотрела в туман, и взгляд увязал в его серости. Намокал, тяжелел, сползал вниз, стекал каплями, вливался в нечто огромное. Необъятное!

Девочка охнула и подалась вперед, плотнее сжав прядь конской гривы. Туман послушно скатался, как стриженная шерсть, сдвывая со скользкой циновки. Океан оказался темной массой покоя без края и границы. Вдали – розовый с прозеленью, светящийся изнутри. Вблизи – сизо-серый, взблескивающий голубизной. Он дышал и гладил побережье мелкими волнами. Спокойный, сонный, благодушный. Элиис улыбнулась и даже подмигнула ему, как другу.

– Юго к тебе придет, слышишь? – шепнула она. – Я знаю. Ты уж не обижай его и береги лодку моего друга.

– Прощайся с морем. Нам пора, – неохотно и даже как-то виновато поторопил араави. – Но я рад, что нарушил правила. Прежде я сам ни разу не ощущал океан так. Спасибо, божественная.

– Не могу понять тебя, – призналась Элиис. – То ли шутишь, то ли обижаешь.

– Ни то и ни другое. Я удручающе серьезен, – вздохнул Граат. – Всегда был таким. Я сушеная акула.

– Расстроился? Могу больше не называть так.

– Нет. Просто это – правда. Я так давно и усердно иду к цели, что перестал понимать мир вне храма. Я тебе благодарен за возможность увидеть океан не как вместилище силы, обитель богини или безопасный заслон от войны, готовый нахлынуть на Древо с севера. В твоих глазах безбрежность вод – живое и прекрасное существо.

– Война с севера? – удивилась Элиис, деловито перетягивая повод с расшалившимся Коором. – Коняка, не спорь. Нам пора назад. Поворачивай же, туда вон, ну... Давай вот так, потихоньку. Хорошая коняка. Беленькая...

– Надо же, он не спорит, – улыбнулся Граат. – Почему тебя удивили мои слова про север?

– Юго сказал: там нет газура и там живут иначе. Туда можно сбежать и стать свободной.

– Газура на севере нет, – согласился араави. – Правители называются иначе. Князья, короли. Но в остальном они похожи на наше многогранное и прихотливое великолепие: очень хотят заполучить весь жемчуг океана.

Араави нахмурился, возвращаясь к привычному сухому спокойствию. Ему ли не знать про угрозу с севера! Пока коралловое Древо век за веком упрямо хранит все свои многочисленные каноны и традиции, пока храм и дворец равно сторонятся малейших нововведений, большой мир вокруг непрерывно и неустанно меняется. Короли и князья правят многочисленными народами и жадно ищут пространства для развития. Их земли велики, это ведь материк, а не группа малых островов. Флот севера силен. Кто-то должен обновить коралловое Древо и защитить его, показать чужакам, что здесь не стоит искать легкой поживы. А как не искать, если одна только цена жемчуга на севере в десятки раз отличается от обычной для островов?

Граат постарался бы защитить Древо. Но для этого надо много работать и многое терпеть, двигаясь к высшей своей цели медленно и упрямо, не допуская ошибок. Нельзя спешить с переменами, не овладев величайшей властью. И самое главное – сейчас для успеха большого дела ему надлежит исполнить малое. Доставить сирина в крепость. Потому что самую большую тайну он Элиис все же не рассказал. Пока.

Эта тайна, простая и страшная, есть самая большая беда и строжайший секрет храма. И заключается она в том, что избранным жрецам известно число взрослых сиринов, готовых противостоять Волне. Сейчас заняты и требуют охраны лишь семь крепостей. В прочих поддерживают гарнизоны, жгут факелы и старательно изображают все признаки течения обычной жизни. Потому как люди должны пребывать в покое и верить, что они под защитой.

Глава 3

Последняя на памяти Древа большая Волна пришла пять лет назад.

Эраи Граат, тогда еще слугитель второй ветви Древа, пережил очередной день истощания суши в башне близкого к столице южного острова Поути. Он видел Волну во всем ее ужасающем великолепии.

Все началось незаметно. Ясная синева полуденного штиля не омрачилась и малой тенью, но по спине, по камням стены, по людским лицам – пополз сквознячок незримой жути, ряби самого мира, ощутимой лишь сознанием. Постепенно смолкли птицы, тишина налилась тревогой. Собаки коротко заголосили и тоже стихли, повизгивая на натянутых до предела поводках и цепях. Злые жеребцы дворцовой стражи зура хрипели и метались в стойлах, круша доски шипастыми подковами и не слушая ни хозяев, ни конюхов, ни уговоров кнута...

Зур охраны дворца и воины повелителя Древа прибыли в башню по заведенному издревле обычаю: за сутки до появления Волны. Явились люди газура, согласно канону дня истощания суши, как являлись они неизменно каждые полвека, чтобы убедиться в пользе дела храма и силе детей богини. Зур и стоящие за его спиной были одеты в парадные красно-золотые одеяния, обильно расшитые желтоватым жемчугом.

Срок очередного истощания суши был предсказан коралловым араави. Храм прислал в башни сиринов своих слугителей, и это тоже стало данью канону. Дело жрецов – убедиться, что сирий доставлен к нужному сроку на открытую площадку, обращенную к морю. Они должны подтвердить, что нет никакой ошибки: дитя богини, единственный щит Древа против Волны, готово исполнить свою роль, успокоить океан и предотвратить худшее.

Багряные плащи пламенели, синие одеяния казались воплощением покоя. Солнце отчаянно жарило, навсегда выжигая в памяти этот последний день мира...

Пожилая тихая женщина, сирий башни Поути, бесконечно долго шаркала по ступеням, щурясь на слишком яркий свет и задыхаясь. Ее вели и поддерживали под руки.

А вода потихоньку уходила от берега, обнажая морское дно. Граат смотрел на горизонт, желая заметить начало перемен. И он увидел, как тонкая черта перламутрово вспенилась, когда волна сожрала внешний барьерный риф. Затем край неба и моря начал медленно и плавно подниматься. Казалось, что мир сворачивается, как сохнувшая лепешка. В тишине, под ясным и приветливым солнышком, Волна, идущая с юга, стала видна вся – от восточного да западного края чуть изогнутого горизонта. Она катилась с невероятной быстротой, и в ней была смерть. А позади – такое же тихое и теплое утро, зелень травы, безоблачность неба...

Граат стоял и, нарушая данное себе слово не тратить силы на нерешаемое, думал об окраинных островах, утраченных в очередной раз. Люди оттуда прибыли и разместились возле гавани еще позавчера. Нищие. Там все – нищие. И добрались под защиту башни лишь немногие, на кого хватило лодок. Завтра выжившие поплывут домой, к голым берегам. Газур в очередной раз окажет милость, простит затопленным островам и их жителям подати на пять лет вперед. Великое благодеяние: нищим бездомным оримэо окраинных островов предстоит вернуться на пустоши и очищать города от руин, восстанавливать дворцы таоров и зуров, и все это – без оплаты и помощи. Правда, именно из развалин они возьмут камни и доски для своих домиков – это тоже традиция и милость, горькая и страшная, как многие иные, которые новый владык кораллового жезла однажды мог бы изменить. Но пока – не способен, хотя уже ступил на Гоотро.

Сирий наконец поднялась на площадку, задыхаясь и жалко оттягивая бусы от горла. Женщину подвели к краю, впервые позволяя ей взглянуть на близкое море.

И вот она замерла, чуть наклонившись вперед и щурясь, опасливо рассматривая бешеные полуденные блики из-под дрожащей ладони. Сирий стояла совсем рядом с Граатом, и не

было в ней ничего божественного. Ни во взгляде, ни в позе, ни в положении рук не читалось могущество дочери Сиирэл... Это была всего лишь смиренная сухая старушка, потерянная и сгорбленная. Она норовила спрятаться от непривычно яркого неба, раскинувшегося над башней во всю ширь. Она удивленно рассматривала океан, который ей, рожденной в горах крупного острова, прежде не позволяли даже мельком заметить. Женщина жалобно оглянулась на Эраи, на прочих слугителей. Во взгляде читалось отчаяние и мольба: «Подскажите, что мне надо делать? И как?»

«Оказывается, – пронеслась в голове Эраи суматошная мысль, – сирины не всемогущи». А может, эта старая женщина утратила дар? А вдруг она вовсе не дочь моря, вдруг храм ошибся, синие глаза – это ведь такая малость... Это еще не душа и не воля... А за спиной – столица. Огромный, крупнейший на всем Древе город. Он весь, до последнего жителя, сейчас во власти этой старушки. Эраи прикусил губу, не имея сил скрыть отчаяние, выстудившее спину: вдруг пленница именно теперь пожелает отомстить Древу за свою растраченную жизнь и просто отвернется от Волны? Ведь сирин стара и в жизни ее мало что удерживает.

– Я вас прошу, – едва слышно шепнул Эраи.

Женщина округлила губы, вроде бы готовя ответ... и снова испуганно глянула на синь близкого моря.

Волна уже сожрала почти все пространство и стала огромной, теперь ее высота опознавалась отчетливо: она составляла никак не менее шести десятков локтей! Бег вала смерти замедлился, как всегда при выходе к малым глубинам. Ветерок тронул волосы, с тихим журчанием заструилась вода, еще дальше отступая от берега. Стена Волны, нащупав мелководье внутреннего рифа, хищно изогнулась, нависая пенным гребнем. Сквозь бирюзовую тугую воду лился свет, это было удивительно, очень страшно и столь же красиво. Пена залила сухое дно и лизнула камни. Жить острову и всему Древу оставалось два-три вздоха, когда сирин наконец определилась с тем, что надо делать. Шагнула к перилам, глянула вниз, сокрушенно покачала головой...

Пена осела шапкой на площадку башни, Волна застонала и отвесно рухнула вниз. Эраи Граат смотрел вдоль ее стены на запад: там тело бешеной воды изогнулось, как канат между двумя точками крепления, и соседняя такая точка была непомерно далеко, на другом острове. Но узлы – точнее, сирины – не подвели: Волна упала в высохший песок побережья и заворчала, виновато вздыхая и шумно ворочаясь.

Сирин лежала у основания башни, на скалах, оголившихся перед приходом Волны.

Эраи Граат, верный последователь храма, молча молился Сиирэл и просил ее, богиню, о вразумлении. В тот миг он видел лишь сутулую спину старушки-сирина, ее нелепо подогнутые ноги и вытянутые к воде руки. Мелкие волны гладили мертвые пальцы, словно просили прощения. Потом Эраи долго снилось это. И каждый раз было больно и стыдно, словно он и прочие, стоявшие рядом, повинны в произошедшем сильнее Волны. Словно жрецы и зур вывели женщину на казнь, заранее зная, что никакой вины на ее совести нет, как нет и надежды на помилование...

Несколькими днями позже Граат узнал, что океан успокоился, лишь забрав жизни половины сиринов, с площадок башен умолявших глубины об исчерпании гнева. Так страшно люди Древа никогда не расплачивались. Но три последние Волны оказались одна ужаснее другой: две жизни сиринов, четыре и шесть соответственно. К тому же высота валов куда больше обычной, а сроки прихода смещены: не пятьдесят лет, а сорок семь, затем сорок пять и после – сорок три. Что будет в четвертый раз? Высота в семь десятков локтей и приход через сорок лет, то есть от нынешнего дня даже через тридцать пять? Сможет ли храм набрать достаточное число сиринов хотя бы для защиты столицы и пяти-семи крупнейших островов? И будет ли по-прежнему прочна власть кораллового араави?

Трудно сказать. Общаться с океаном через знак верховной власти удастся не каждому араави. Если верить словам Лооты, которая долго жила на Гоотро и мало что помнила на вер-

няка, то нынешнему владыке Роолу коралловый посох не благоволит, отмалчиваясь по важным вопросам. Вполне достоверно Эраи Граат знает иное: капли божьей благодати падают на острова Древа все реже. К тому же слишком многие стали поить детей ледяной водой. Судьба сирен известна жителям городов и не вызывает одобрения. А сирины – их просто не осталось, исчерпана милость Сиирэл к детям своим. Или сам род потомков богини иссяк?

Граат вздрогнул, возвращаясь из тягостного воспоминания в явь, неуверенно улыбнулся. Элиис по-прежнему перетягивала повод с «конякой». Обоим нравилось, Коор сделал уже несколько кругов по траве, вытоптав себе дорожку. Араави погладил плечо сирин и пообещал себе: что бы ни произошло, он постарается не отдать малышку Волне. Сделает посильное и даже сверх того, но эта девочка вырастет спокойно. И не будет лежать на камнях под башней, заплатив так страшно за выживание всего Древа. Потому что в душе крепнет убеждение: подобная плата противна миру и она же лишь взращивает новый гнев океана.

– Хорошая коняка, – азартно пицала Элиис. – Не туда, сюда.

Коор довольно фыркнул и стал топтать круг в обратную сторону, развернувшись на месте... Араави перехватил повод и укоротил его. Конь сокрушенно вздохнул, подобрался: узнал руку хозяина. Пошел вниз, уверенно направляясь к далекой группе людей в синих одеждах.

Элиис погладила шею и попробовала заплести из гривы хотя бы одну маленькую косичку. Граат усмехнулся. Он уже не сомневался, что нашел способ общения с Элиис. И значит, раньше или позже сможет представить его сиятельности Роолу достойного сирин – тихую, верную храму и осознающую свое место девочку народа оримэо. На короткий парадный прием ее терпения хватит. А потом... Да пусть зовет сушеной акулой и людоедом! Так даже веселее. Кто еще осмеливается не бояться выскочку-араави? самого опасного и расчетливого из молодых жрецов. Наверняка у Эраи имеется в определенных кругах прозвище, и не исключено, что зовут его именно «акулой» за умение устранять преграды на пути к высшим ступеням власти, а при необходимости даже пожирать противников...

– Куда мы теперь поедем? – дернула за пояс расхрабрившаяся Элиис. – И, если я не сбегу сразу, когда я получу коняку?

– Коня.

– Это мой конь, как хочу – так и называю, ему нравится, – заверила неугомонная.

– Хорошо. Коняку получишь сразу, как только поговоришь с владыкой Роолом. Коор останется с тобой насовсем, если ты постарайся вести себя тихо и заверишь их сиятельность, что готова остановить Волну.

– Может, такое мне и годится. Только учти: я все равно сбегу.

– А зачем ты, наивное дитя, рассказываешь мне тайные планы?

– Ну... чтобы ты не расстроился. Ты часто засыпаешь на ходу?

Эраи Граат тяжело вздохнул. Он так старался разговорить сирин и добиться доверия! Теперь пожинает плоды надежно просчитанного, умело подготовленного и мгновенно обретенного успеха. Превращается в няньку. И не может одернуть девочку. Ну какое ей дело, спит ли он на ходу...

– Когда я спал на ходу? – нехотя удивился араави.

– Только что, – ехидно заверила Элиис. – Храпел прямо на спине у Коора. Мы тебе не мешали. И я не сбежала, как и обещано.

– Спасибо, – искренне порадовался Граат. – Я действительно устал. Тебя хотели увезти люди газура, мы выследили их, было непросто. Потом Лоота возжелала сока ош и стала опасной... Я боюсь оставлять ее одну.

– А ты точно и без обмана ищешь ее сына, как обещал?

– Полагаю, уже нашел, его должны привезти сюда, на срединный остров вне владений моей ветви. Мы все встречаемся сегодня. Все те, кто искал сирен, и я, нашедший тебя, о божественная. Вместе мы отправимся в храм на Гоотро.

– Сирены, значит, идут в колодках и голодные? – заподозрила Элиис.

– Нет. По воле владыки Роола я собираю детей со всех срединных островов, а также с запада, северо-запада и севера. Могу сказать, что дети этих земель не узнают колодок. Каждому ребенку выделен свой страж. Их связывает тонкая цепочка, вот и все. Мы скоро увидим детей, и даже отдохнем в орииме, я приму доклады своих людей и затем стану беседовать с юными сиренами. Слабых мы лишим голоса. Сильных разделим на тех, кто готов служить храму, и прочих.

– Для сока ош.

– Нет. Я уже целый год общаюсь с Лоотой. Сок не дает верности. Моя охранница готова служить любому, кто даст ей склянку с отравой ош. Сильных я постараюсь уговорить, мы будем беседовать, пока они не согласятся осознанно – или не откажутся, тоже осознанно. Тогда их лишат голоса, таково мое решение. Ты точно не хочешь дать слово не сбежать?

– Н-н-н... нет.

– Понятно. Тогда расчесывать гриву Коору пока что придется наемным конюхам. Ни лент, ни жемчуга ему не видать...

– Я подумаю.

– Мне нужно слово, что ты не сбежишь до самого Гоотро, не станешь дерзить владыке Роолу и будешь следовать моим советам на церемонии. Понятно?

– Да.

Последнее «да» девочка сказала звучно и расстроено. Сама соскользнула из седла, и стражи едва успели ее поймать и бережно поставить на тропу. Оттуда, сердито вырвавшись, Элиис юркнула в носилки и хлопнула дверцей. Араави тихонько рассмеялся. Он не сомневался, что завтра получит нужный ответ. Граат погладил коня по шее, пару раз ободряюще хлопнул.

– Коор, ты неотразим! Обеспечил себе безбедную старость. Еще бы, личный конь сирина... То есть, прости, коняка.

Конь фыркнул, загарцевал, ощущая посыл, и двинулся к большой группе людей в синих одеждах храма, ожидающих отряд у слияния двух дорог. Здесь все вели себя обычно: низшие жрецы и прислуга кланялись, увидев араави, а некоторые от избытка восторженного или почтительного усердия падали на колени. Стражи древней крови солидно кивали, сирены из личной охраны спокойно улыбались и пристраивались рядом, рассказывая о детях, которых удалось найти и предварительно отобрать. Граат слушал, с трудом подавляя зевоту. И думал о том, что его люди уже теперь неплохи: служат без страха, верят своему араави, рассчитывают продвинуться и обрести то, что им ценно. Так разве это плохо?

А вот и чужие: подобострастно кланяются, лепечут бессмысленные лстивые слова, целуют край одежды, дрожащими руками протягивают свиток с печатью восточного замка сирен, чужого для араави запада. Значит, сына Лооты действительно нашли!

Граат небрежно кивнул, принял свиток и прочел записи, не покидая седла и не выказывая отношения к чужакам.

– Где он сам? – Это было сказано исключительно невыразительно и холодно.

– Заперт в подвале, о перламутровый, – до земли склонился служитель. – Там, в ближайшем селении. Он опасен, три побега из замка. Ваша мудрость неисчерпаема, он происходит от порченной крови. Женщина была упряма, и сын не менее строптив. От таких нельзя ждать даже угодного храму продления рода. Наставник замка готовился после сезона дождей провести последнюю проверку и познакомить строптивного с соком ош.

– Ясно, это действительно тот самый ребенок, – отозвался араави, просмотрев свиток. – Каков откуп? Он ведь обучался в восточном замке, я не могу заявить права на сирену иной ветви Древа.

– Ваша доброта велика. – Служитель оживился, глаза сверкнули жадностью. – Платить за порченного... Простите, но я вынужден взять полную цену. Пять сотен граонов серебром мы выдали его родителям, откупая в храм. Затем обучение...

– Вы сами не употребляете ош? – холодно усмехнулся Граат. – Он сын сирены! Он не стоил храму и медяка. Не утомляйте меня ложью. Просто назовите цену.

– Внизу указана, во втором свитке, – испуганно поклонился служитель.

– Вижу. Немало, но пусть так. Желаете получить немедленно?

– В селении, когда передам его вам с полной церемонией, – вздохнул служитель.

Эраи Граат почувствовал, что снова едва удерживается на грани холодного бешенства. Это ничтожество только что пыталось выторговать себе, лично себе, немалую сумму, а теперь испуганно жметя и мнетя. Значит, юноша едва дышит. Колодки, не иначе. По-другому на восточных островах пока не умеют, да и не хотят.

Рука араави выбрала троих воинов древней крови. Старший понятливо кивнул, взвалил жалко пискнувшего служителя на плечо и побежал в сторону селения. Ему тщедушный жрец – не ноша. Зато такой приятный повод, «бережно» удерживая гаденыша, тем самым старательно исполнить невысказанное пожелание араави: смять ребра до хруста, выдавить дыхание, чтобы ничтожный враг посинел.

Коор двигался резвой рысью, только так поспевая за бегом воина. За спиной – по звукам понятно – торопливо собирался лагерь, вытягивался в походную линию, следуя за араави Граатом.

Сегодня они пройдут немного – до селения. «Там будет долгий отдых, день, а то и больше», – пообещал себе араави, нехотя признавая, что он едва держится в седле. Две бессонные ночи, да еще и недосыпание многих дней до того...

Возле бедного, в один уровень, окраинного ориима стояли пятеро стражей в застиранной убогой одежде. Граат неодобрительно рассмотрел их. Он и прежде слышал, что восточные острова дурно обучают людей. Но чтобы так... Пояса не затянуты, на штанах заплаты, прически – у каждого своя и ни одной аккуратной. Грязные руки. Стоят кое-как, нога за ногу.

Впрочем, при виде своего же служителя на плече воина древней крови они подтянулись. Еще бы! Служитель теперь синий целиком, под цвет потертого одеяния. Воин стряхнул его с плеча, как тюк, и тело безвольно обмякло на траве, неподвижное, с мертво выпученными глазами. Пока вымогатель приходил в себя и ловил ртом воздух, негодные людишки выстроились в ровную линию и враз отвыкли дышать шумно и приметно. Поскущнели: не будет поживы. Древняя кровь – не враги и не противники. Это – приговор...

Араави спрыгнул с коня и зашагал к подвалу, сразу приметив утопленную в земле низкую дверь. Доставившие сирену догадались услужить: забежали вперед, часто кланяясь и вздрагивая, юркнули в щель темного проема. Повозились, вытащили пленника.

Граату стало немного не по себе. Про колодки он догадался. Но прочее... Судя по всему, на сирене вымещали весь свой страх перед сладкоголосыми. Синяки, кровоподтеки, царапины, открытые раны – старые и свежие. И ни единого признака того, что мальчишка в сознании.

– Отсчитай плату, – велел араави старшему стражу. – Они требуют две тысячи граонов.

– Я добавлю на дорогу, – задумчиво прогудел страж в высоком звании аоори, брезгливо рассматривая служителей с востока.

– И проводишь? – догадался араави. – Не возражаю. Но до следующей ночи непременно будь здесь.

– До ночи обернусь, – повеселел аоори.

Граат, не оборачиваясь, кивнул. Он не мешал своим людям исполнять службу с рвением, скажем так. Иногда оправданным, а порой и заинтересованным, переходящим в чрезмерное. Пусть. Люди есть люди. Он сам решил, что не готов иметь дело с вещами и рабами. Неинтересно, да и пользы от таких мало. Наконец, если в храмах восточных островов дурно обстоит с воспитанием дисциплины, почему бы не оказать им помощь? Аоори окажет. Да так, что вовек не забудут. И пояса привыкнут затягивать как полагается. А уж чтобы взять хоть малую долю из денег храма или пальцем тронуть пленника, принадлежащего самому араави... это будет растолковано недоумкам с полным старанием. Не жалея рук.

Мысли скользили, не занимая сознания. Один из стражей, оставшийся при араави, склонился рядом, быстро и ловко разрезал веревки, соединяющие колодки, опустил тело на траву. Нащупал жилку под челюстью.

– Жив, – подтвердил он. – Нести в дом?

– Само собой. Лекарь...

– Здесь, – отозвался тихий голос. – Выживет, о энэи, я наблюдаю у больного истощение, не более того, я обо всем позабочусь. Осмелюсь лишь заметить, что вы и сами смотрите немногим лучше, владыка. А давайте я отведу вас в соседнюю комнату? И даже не спорьте. Со мной нельзя спорить, я большой травник.

Араави усмехнулся сквозь сон. Очень большой травник, прямо огромный, как все воины отряда аоори. И не ведет, а скорее уж несет. Впрочем, лекарь прав: сегодня отдых необходим, и он, Граат, заслужил право отоспаться.

Эраи переступил порог комнаты, вытянулся на лежанке и прикрыл глаза. Воины древней крови – лучшее, что он обрел, став араави западных островов Древа. Огромные и широченные оримэо ничуть не воинственны. Они, напротив, спокойны, надежны, несколько раздумчивы и лишь в главном решительны. Непобедимые и не склонные к неоправданной жестокости. Вряд ли на островах их больше, чем сирен.

Что представляет собой так называемая древняя кровь, до сих пор не могут установить самые опытные толкователи старых свитков. Известно лишь, что особая «порода» однажды проступает в подрастающем ребенке. Легенды храма гласят: эти люди пришли на острова еще в незапамятные времена. Вроде бы служили они первому сирину... Если существовал первый сирин. Его бытие – вопрос из числа тех, ответы на которые можно надеяться обрести в единственном месте, в главном храме богини Сиирэл на столичном острове Гоотро. Там хранятся книги жизни и там же от рождения до самой кончины живут священные жрецы, толкующие их знания, завещанные людям всемилостивой богиней. Увы, они не делятся сокровенным даже со своими братьями. Лишь священным чтецам ведомо, что происходит: почему Волны столь сокрушительны и отчего не рождаются сирины. И, может статься, в главном храме хранится ответ на невысказанный вслух вопрос, мучающий Эраи Граата с памятного дня исчерпания суши. Тогда юный служитель Эраи заметил в поведении сирина неуверенность и даже непонимание права и дара старшей дочери Сиирэл. Он заподозрил, что обитательница крепости, а может, и не только той, на острове Поути, не знает толком, как противостоять исчерпанию суши. Почему? Наверняка ответ хранят древние свитки. А еще следует все же выяснить, кто они, воины древней крови, откуда пришли...

Мысли путались и скатывались в вязкую массу утомленного покоя. Нет больше сил, все отданы делу. Сирин найден, араави запада сделал все, что мог. Справился. Скоро до селения доберутся люди, много людей. Ближние и аоори позаботятся о Лооте, которую нельзя оставлять без присмотра. Найдут хорошую комнату для Элиис. Перевяжут раны мальчишке-сирене с восточных островов. Закажут обед на всех, а потом и ужин.

«К закату ты проснешься, – приказал себе Граат. – Обязательно!» Потому что упрямая малышка Элиис не давала слова мешкать с побегом дольше одного дня. И невозможно позволить кому-либо обидеть или напугать ее, пусть даже нечаянно.

Некоторое время араави еще осознавал суету вокруг. Чувствовал, что кто-то снимает с его ног обувь, моет прохладной водой стопы. Вынуждает пить нечто полезное и питательное, укладывает на опухшие веки влажную тряпицу. Потом серость утомления стала непроглядно-черной.

– А-а-а-а-а-а!

Звонящий вопль взорвал покой сна огненным шаром мгновенного пробуждения. Араави очнулся и успел проследить, как стихают все звуки в орииме. Мгновенное оцепенение сменилось суетой многочисленных хлопающих дверей, топотом ног, перекличкой голосов. Открыв глаза, Граат тихонько рассмеялся. То еще зрелище! Аоори, вернувшийся, как положено, на закате, сжал и держит руку Лооты: сирена в очередной раз подбиралась к вожденной склянке. Почему несчастная полагает, что у араави вообще есть при себе сок ош? Сколько раз ей уже было сказано: нет и не будет сока. Не верит...

На шее у сирены висит Элиис и визжит во всю силу легких. Спасает сушеную акулу. Эраи улыбнулся. А ведь, странно подумать такое, приятно, когда тебя спасают. Не по долгу воина или из рвения последователя, а просто так, от всей своей сложной и непостижимой детской души.

– Кто из вас сирена? – спросил Граат, когда девочка смолкла. – Звон в ушах, тошнота прямо давит. Все признаки использования капли божьей... или молота?

– Не знаю, – хихикнула Элиис. – А ты не будешь ее наказывать и теперь, ведь так?

– Тебе-то что с того?

– Я решаю, дать ли обещание.

– О Сиирэл, великая и непостоянная, как само море, – воззвал к низкому потолку араави. – Я постиг истину. Сирины отличаются от обычных людей непомерностью своих запросов.

– Да или нет? – возмутилась Элиис, сползая на пол с шеи всхлипывающей сирены.

– Нет, и это означает, что я сам решаю, наказать ли моих людей. Только я. Лоота, я тебя наказываю. Иди, холодная вода, как обычно. Очнешься – жди меня в... А где, кстати?..

– Он в нижнем зале для гостей, – прогудел аоори, верно распознавший незавершенный вопрос о сыне Лооты. – Там никого из чужих поблизости. А если за ним пробовали следить, как раз туда подобраться неоткуда. Зато вам, энэи, от вашей комнаты брести будет совсем близко. И я распорядился, чтобы в верхнем зале накрыли для вас ужин.

– Наказал, вот ведь вреднючая сушеная акула, – почти не расстроилась Элиис. Она погладила дрожащую и всхлипывающую сирену по плечу: – Идем, я буду тебе сочувствовать. Подумаешь, вода. Хочешь, вдвоем станем мерзнуть? Не плачь.

Лоота плакала. Жалобно и тихо, сжавшись, закрыв лицо руками. Ее увели, бережно, но крепко удерживая за обе руки. Аоори прикрыл за спиной Элиис дверь и только после этого нагнулся и извлек из-под ложа араави длинный узкий нож. Усмехнулся, положил на столик.

– Опять взялась за свое, – сообщил он без особого удивления или злости.

– Проще всего было бы лишить голоса и отослать в дальний малый храм, – отозвался араави. – Но такое решение ломает ее окончательно. Станет никому не нужна... А ведь знает немало и служит по-своему верно. К тому же кого еще я могу просить о некоторых тонких и спорных услугах вроде дела с посланником ваура?.. Как мальчик?

– Я помню, энэи, свой недосмотр прошлого года, – тяжело вздохнул аоори и пояснил, наказывая себя каждым словом: – Восточный храм отравил мальчика, который пробрался к нам тайком и что-то желал рассказать, но не успел. Какой я аоори, если не уберег ребенка? Но я усердствую и на сей раз принимаю все меры: его охраняют лучшие люди. Лекарь у нас наилучший, так что выкупленный вами сирена жив, он очнулся, ему гораздо лучше. Будете с ним разговаривать теперь?

– Да.

Араави неспешно сел, потянулся, умылся. Охотно выпил травяной настой. Улыбнулся, отмечая, что отдохнул хорошо и полноценно. День сна! Такой безмерной роскоши он не позволял себе давно. Эраи встал, зевая и щупая стенку, побрел по узкому коридору, не пробуя казаться бодрым. Аоори беззвучно двигался следом. Лишь иногда постанывали самые слабые дощечки пола.

– Ориим был в один уровень, – припомнил араави.

– Этот – в два с лишком. – Страж за спиной усмехнулся. – Он почище, поприятнее, мы с полным почтением перенесли вас, в закрытых носилках. Здесь и для божественной нашлась комната прямо с окном на скотный двор. Ни единой мысли о побеге, она все время кормит Коора.

– Чем? – лениво полюбопытствовал араави, пряча в ладони зевок.

Он немедленно поплатился за неуместный вопрос, ведь перечисления хватило на всю длину коридора. И еще осталось – как раз чтобы устроиться за столом и дожидаться, пока тощий парнишка-сирена дохромает до предложенного ему удобного кресла возле того же стола напротив араави.

– ...и, само собой, лепешки с сырной начинкой, – закончил дотошный аоори. – Подавать ужин?

– Так сразу – ужин... Однако спал я долго. Конечно, подавай. Лепешки он съел все?

– Нет, мы боролись и парочку отстояли, – ответил достойный воин.

Сирена неуверенно сел и огляделся. Было видно: происходящее для него непонятно и непривычно.

– Ты трижды сбегал из замка, – заинтересованно припомнил араави то, что сообщили ему чужие слуги. – Ловок. Я изучал устройство таких крепостей и до сих пор сохранял весьма твердое убеждение, что оттуда не выбираются. Все обучение сирен, как мне известно, налажено на отдельном острове.

– Первый раз ушел вплавь, – безразлично отозвался сирена, глядя в пол. – Потом я спрятался в лодке, которая меня же искала. В третий раз дождался окончания переполоха и выбрался во внешний мир совсем незаметно. Я сам вернулся обратно, когда побродил по берегу, посетил три ближайших острова и выяснил все, что хотел узнать. Но моя готовность излагать условия и принимать разумные требования никого не устроила.

– Занятно. Что же ты хотел узнать за стенами замка? – продолжил любопытствовать араави, выбирая сырную лепешку. – Ты ешь, не завидуй. Я не уважаю тех, кто страдает завистливостью и скрывает свой аппетит.

– Сперва укажите мою казнь, – усмехнулся сирена, коротко глянул на араави и снова уставился в пол. – Может, мне пища уже без пользы.

– «Сперва»! – возмутился Граат. – Что за день! Все словно забыли, кто я, меня таскают с места на место, как груз, мне ставят условия, а теперь вот не просто просят – требуют! Я пока не знаю, за что тебя следовало бы казнить. Здесь не восточные острова, их порядки и их обиды меня не занимают. Учти пока вот что: ты обошелся храму запада в две тысячи граонов серебром. Изволь кушать и выздоравливать, ценный ребенок.

Сирена перестал изучать пол, заинтересованно прищурился, глядя на араави прямо и удивленно. Но уточнять ничего не стал, а осмотрел подносы, число которых все возрастало. Подвинул поближе крупную копченую рыбину, бобовые стручки, большую лепешку и надолго смолк, занятый ужином. Аоори принял кувшин из рук слуги, принялся к содержимому, не нашел ничего опасного, наполнил кислым молоком две плошки и поставил возле сидящих за столом. Сам он замер у плеча араави, с умилением глядя на мальчика, жадно глотающего куски, готового лезть руками в каждое блюдо...

Наконец сирена наелся до блаженной медлительности движений, удобно уселся в кресле и прикрыл глаза.

– Я готов повторить то, что уже говорил в замке, вернувшись туда. Я покинул место обучения всего лишь потому, что хотел знать, как живут люди. Мне казалось важным посмотреть на тех оримэо, которые не принадлежат Сиирэл, не служат и не владеют даром. – Он пожал плечами и скривился от боли в свежей ране. – Я всегда жил в замке, с рождения, наверное. Если в иных местах все так же, в служении нет смысла. Но мне сказали: не мое дело – думать. Мое предназначение состоит в том, чтобы исполнять волю хозяина, которого назначит храм. Мне представляется, что без понимания мира я буду дурно исполнять повеления... Опять же, я не желаю что-либо делать, не понимая смысла и цели задания.

– Что же ты решил, побывав на берегу?

– Прежде всего я убедился в том, что мой голос очень опасен. И еще я пришел к выводу, что не готов служить любому хозяину. – Юноша упрямо глянул на араави. – Я вернулся и попросил у жрецов право на выбор хозяина, годного для меня. И тогда меня стали воспитывать.

– Судя по всему, без особой пользы, – отметил араави. – У тебя есть вопросы или просьбы?

– Почему вы, жрецы запада, купили именно меня?

– Мои люди искали ребенка, рожденного в третий месяц от завершения сезона дождей, в определенный год. Его мамой была сирена, у него на плече знак принадлежности храму и символ острова Поути, откуда прислали его отца. Еще мои люди имели при себе отгиск ладони женщины, родившей ребенка. Он ставился на запись о рождении, все совпало.

– И что, по такому случаю я должен возрадоваться и принять нового хозяина? – с некоторым ехидством уточнил сирена и опустил веки, откинувшись на спинку кресла. – Пока что я признаю одно: уплаченная за меня цена высока. Мне известно, сколько в точности серебра храм воздает за детей, забирая их из семей. Вы переплатили. Хочу заметить, что годным хоть к чему-то, кроме поедания пищи, я стану нескоро, а верну ли должную силу голоса, пока вовсе неизвестно. Ребра разбиты, горло пострадало, голос сел. Рука, сами видите, сломана.

– Хозяина для тебя пока нет, – отозвался араави. – Но имеется важное дело, и мне для этого дела требуешься именно ты. Полагаю, несносный мальчишка, я не стану слушать твое мнение о готовности исполнять или не исполнять то, за что я уплатил полновесным серебром. Вот твоя работа: я устал до последней крайности от постоянных попыток твоей полубезумной мамы добраться до сока ош. И от ее продолжительной болезни, выраженной в навязчивом желании перерезать мне, якобы прячущему вожделенное, мое тощее ненавистное горло. Изволь присматривать за негодной хранильницей. И только попробуй не справиться.

Сирена широко открыл глаза и молча слушал араави. По его взгляду, шало прыгающему по лицам, по напряжению, вынуждающему дрожать левое веко, араави понял: юноша использует вторую часть дара. Настоящие сирены – лучшие из них, осознанно впитавшие и принявшие полноту капли дара, – не только внушают, но и безошибочно улавливают ложь. Выцеживают тончайшие намеки на неискренность в оттенках голоса, мимике, дыхании, пульсе, даже в молчании...

– Она себе самой противна, когда натворит невесть что, – признал араави, с растущим интересом рассматривая юношу. – Плачет, просит прощения. А потом снова утрачивает всякое понимание пользы и вреда, добра и зла, себя и мира. За год она четыре раза добиралась до моей комнаты. Сколько раз ее ловили стражи в коридорах, не ведаю.

– Моя мама? – Голос сирены приметно дрогнул.

– Судя по приметам поиска – твоя.

– Не понимаю... Что следует делать?

– Ты дурно слушал. Но изволь, я повторю медленно и подробно. Следить за ней. Убеждать, в том числе голосом. Я полагаю, ты – единственное существо на всем нашем Древе, действительно важное для Лооты.

– Вы ее хозяин? – едва заметно поморщившись, предположил сирена.

– Я, скажем так, в равном с тобой положении, – вздохнул Граат, морщась и нехотя позволяя себе глубокий зевок. – Мне передали сирену покойного перламутрового араави, не спрашивая согласия. В довесок к жезлу. Меня забыли спросить, хочу ли я стать ее хозяином.

– То есть вы хотите сказать, что вы и есть...

Юноша запнулся и удивленно нахмурился. Араави проследил за его взглядом. Не обнаружил на собственном одеянии белой окантовки, пусть даже самой узкой. Потер костяшками пальцев лоб. Обернулся к аоори. Тот безмятежно улыбнулся и развел руками, даже не пытаясь выглядеть виновато:

– Вы, энэи, когда по трое суток не отдыхаете, потом делаетесь непробудимы.

– Уж так прямо...

– О наш трудолюбивый и неусыпный владыка, – с отчетливым ехидством покачался аоори, гулко стукнув себя в грудь и поклонившись. – Признаю, я подобрал кое-какие травы, продлевая время отдыха. Вас отстирали после горного похода, если позволите так сказать. Грязи было много, поверьте. Лекарь делал вам массаж, далее он же разминал стопы. Потом пришла девочка и стала спрашивать, что такое древняя кровь.

– Девочку зачем приплел? – насторожился араави.

– Так за все уж сразу решил повиниться, – с трудом пряча улыбку, вздохнул страж. – У меня волосы острижены коротко, Лоота спала, прочие воины тоже не сгодились. Отказать божественной было невозможно, мы все чтим Сиирэл. И мы с благоговением... не вмешивались. Она плела косички. Пробовала по-всякому, чтобы покрасивше выходило, поровнее, вы же ей подарили коня. А потом Лоота вошла – и вот...

Араави судорожно ощупал голову. Охнул, торопливо ободрал несколько ленточек, разворошил волосы. Сокрушенно глянул на сирену, согнувшегося в кресле. Смеяться над владыкой тот не мог, вдобавок смятые ребра нещадно болели... Но не смеяться тоже не получалось. Справился с собой юноша на редкость быстро. Поклонился, даже попробовал встать, но был остановлен жестом Эраи.

– Значит, теперь я принадлежу западным островам, никакой ошибки нет и решение принято, хотя мы пока что на срединном Тооди, – сделал вывод сирена. – Неожиданно... О вас говорили в крепости сирен востока много дурного, о владыка Граат. Так много, что я заинтересовался.

– Хотя бы не обзывали меня сушеной акулой? – живо уточнил араави.

– Нет, – удивился сирена. – Звали просто акулой. Зубастой. А что?

– Пустяки. Как мне тебя звать?

– Не знаю. Тех, кто не допущен до взрослого служения, в нашей крепости именовали по году приема и комнате проживания. Меня приняли в год Волны, я должен был отзываться, когда кричали «девятая Волна».

– Пять лет назад началось твое обучение... чем же ты занимался первые десять лет жизни? – удивился араави.

– Жил там же, при храме, учился воинскому делу, – отозвался сирена. – Ведь жрецы еще не знали наверняка, есть ли у меня в голосе мед и яд, годны ли они по силе.

– Ясно. Иди вниз. Твоя мама наверняка уже закончила мерзнуть в воде и теперь готова знакомиться с сыном, вполне надежно осознавая себя.

– Она... здесь? – В голосе проявилось короткое смятение.

Араави кивнул. Его аоори, не дожидаясь новых приказов, прошел к дверям, подозвал одного из своих людей. Указал на сирену и велел проводить и поддерживать. Юноша ошарашенно дернул плечом. Зачем поддерживать? Он вроде не падает, хоть и хромает.

– Привыкай, – безнадежно посетовал Граат. – Эти здоровенные чудища еще хуже моей сирены. Они никого не слушаются. Меня наверняка теперь же запрут, а если лекарь велит, вынудят снова отдыхать.

– Вас... запрут? – осторожно переспросил сирена.
– Обязательно, – заверил аоори, сохраняя полнейшую серьезность. – У нас строго. Лекарь сказал – исполняем.
– Очень необычные порядки.
– Ты не умничай, пока еще есть целые ребра, – с напускной мрачностью буркнул аоори.
Сирена сказал бы больше и поинтересовался многим, но желание увидеть маму было гораздо сильнее любопытства. Он уже хромал через комнату. И позволил себя поддерживать, то есть, в общем-то, нести вниз по крутой лестнице...

Лоота, как и предполагал араави, успела выбраться из холодной воды и дрожала под толстым шерстяным покрывалом. Всклипывала пуще прежнего, безвольно комкая край ткани. Ей и самой представлялось, что вспышки слепой бессознательной злобы остались в прошлом. Оказывается, нет.

Элиис старательно расчесывала ее мокрые волосы и утешала, как могла:

– Все равно, если честно, он малость получше моей родни. И уж всяко гораздо толковее отца Юго. Не пьет, не дерется. Умный. Сердится иногда, шумит и в воду загоняет – но у каждого свои недостатки.

– Я-а п-п-п-п... – Синие от холода губы не желали выговаривать сложное для них слово.

– Правильно? – предположила Элиис.

Сирена всхлипнула еще горше и замотала головой.

– Привыкну? – повторила попытку угадать Элиис. – Это да, наверняка. И ты, и я... Если уж по совести, ну куда я денусь от коняки?

– Т-ты добрая, – плотнее вжалась в угол сирена и выговорила хоть что-то. – Я пыталась его убить. Тайком. Понимаешь? Эта гадость сильнее меня. Гораздо сильнее. Как ты догадалась закричать... Я ведь тоже могла использовать голос. У меня исключительно сильный голос, вот в чем беда.

– Ты вылечишься, – пообещала Элиис. – Я попробую поговорить с водой. Уже попробовала, я ведь всамделишный сирин, как выяснилось вчера. Вода из тебя вытянет плохое. Не сразу, но постарается.

– Спасибо.

– А это кто? – Элиис ткнула пальцем в замершего в дверях юношу. – И кто его так помял?

– Не знаю. – Лоота дернула плечом под покрывалом и стала с удивлением рассматривать прибывшего. Она полагала, что достаточно полно представляет себе окружение араави. Все же именно она – личная сирена владыки и оберегает араави Эраи усердно и старательно, когда помнит себя...

Стоящий за спиной юноши воин древней крови мрачно сдвинул брови и показал Элиис на выход. Мол, пора тебе. Девочка закусила губу, решая непростую и малопонятную задачу: стоит ли слушаться. Наконец она вздохнула, положила гребень на столик и встала.

– Мне пора кормить Коора.

– Надо же... Неужели он еще может есть? – не поверила Лоота.

– Он постарается, раз так надо, – с сомнением предположила девочка.

Она прошагала к двери и выбралась в коридор. Страж вышел следом. Он слышал, закрывая дверь, как юноша неуверенно спросил или позвал: «Мама»... как охнула Лоота...

Дверь плотно закрылась и отрезала звуки. Элиис дернула огромного носителя древней крови за штанину. Она уже успела усвоить: эти страшные на вид люди не обижают детей.

– Кто таков?

– Сын энэи Лооты, – коротко ответил тот.

– Ух ты! Пойду скажу араави, что он не такой уж и сушеный...

– Нет. Травник велел уложить детей на закате.

– А он что, важнее меня? Я же эта, как там, божественная. И желаю общаться со жрецом, вот.

– Он важнее. Он приказывает даже владыке. Идем. Пожелаешь сладких снов Коору – и под покрывало.

– Нет. Мне срочно, понимаешь, срочно надо видеть араави! Срочно.

Страж задумался, даже заново нахмурился. Потом сокрушенно вздохнул и повел упрямую наверх, в комнату владыки. Эраи Граат уже устроился отдыхать и погасил свечу. Сонно удивился появлению своей, если так можно сказать, пленницы:

– Что еще? Неужели остались неисполненные капризы?

– Знаешь... хоть ты и сушеная акула, я даю тебе слово. Спи спокойно, не сбегу.

– И поговоришь с коралловым владыкой на Гоотро?

– Да. Ты очень ловкий и хитрый, ты меня поймал и даже держишь без веревок и запоров. Наверняка ты злодей, пусть и умеешь прикинуться добрым. Но я на тебя не сержусь. Почти.

– Точно, я хитрый, – без особой радости отозвался араави. Улыбнулся, виновато покачал головой: – Прости, я о своем... Спасибо тебе.

Элиис просияла и удалилась с самым гордым видом. Граат нахмурился, отгоняя готовый явиться сон. Он полагал, что причины сердиться у сирина есть. Или найдутся позже. Обманчиво добрый араави Граат может подарить коня и пообещать сделать все, что в его силах. Он обязательно сдержит обещание. Но его перламутровый жезл не единственный, на островах Древа есть еще восемь араави с такими же возможностями. И даже с большими, ведь запад беден, он страдает от штормов куда сильнее иных ветвей Древа.

– Нас девять, а посох один, – вздохнул Эраи и закрыл глаза. – Все мы акулы.

Каждый знает: коралловый владыка стар. Роол умеет с выгодой для себя стравливать жаждущих власти жрецов, со стороны наблюдая за грызней и не теряя влияния ни в столице, ни вдаль от Гоотро. Роол выбирает последователя непрерывно, превратив выбор в подобие хитрой игры, и оттого часто меняет окружение. Сейчас Эраи Граат – желанный гость на Гоотро. Доставив сирина, он, вероятнее всего, станет первым среди равных. На некоторое время. А что дальше? Для него нет прямой угрозы, хоть он в милости, хоть в опале. Но для Элиис... Другие люди станут решать, как ей жить. Будут пытаться диктовать свои условия и даже, страшно подумать, ломать девочку под них. Конечно, сок ош в воспитании сиринов исключается, араави Эраи пока вхож к владыке посоха и он объяснит Роолу, а равно и иным жрецам, всем и каждому, почему нельзя применять обманчиво удобное средство. Пояснит надежно и доказательно, вот хотя бы приведет сведения о том, как сильно употребление сока сокращает жизнь, и напомним, что сиринов недопустимо мало. Но даже без наихудшего способа обращения с Элиис остается немало прочих, немногим менее гадких... Достаточно разок глянуть на мальчишку с восточных островов, которому пятнадцать, а он даже не имеет имени, но уже принял как данность то, что обязан обзавестись хозяином. Путь и не всяким, а «годным»...

Эраи поправил покрывало и убедил себя отбросить нелепые, сиюминутные и потому заведомо пустые сомнения. Он делает то, что может. Для Элиис нет иного пути в жизни. Пока – нет.

Утром араави проснулся в куда более светлом и спокойном настроении. До рассвета, по давно установленному порядку, выслушал доклады аоори и жрецов. Прочел несколько свитков, доставленных бегуном из ближнего храмового порта. Написал послание для кораллового владыки. Поговорил с тремя юными сиренами, сильнее прочих удрученными разлукой с семьей. Наконец кивнул аоори: можно подавать завтрак.

В дверь бочком протиснулась Лоота. Граат заинтересованно прищурился. В первый раз за год общения сирена, будучи в сознании, не появилась у его ложа при пробуждении, вместе со стражем. А войдя, сияет рассеянной и счастливой улыбкой. Даже, кажется, сделала себе прическу...

– Лоота, ты помолодела лет на пять, – ободрил женщину Эраи. – Он превзошел твои ожидания?

– Не смела надеяться, что у меня такой сын. – Уши Лооты отчетливо покраснели, на ресницах дрогнула слезинка. – Он взрослый, умный, красивый, сильный... И не огорчился, что я такая вот. Никудышная.

– Я доволен тобой, и ты знаешь это. Не надо больше называть себя никудышной, никогда. Кстати, как его зовут, ты решила?

– Трудно выбрать одно-единственное имя. Мы долго выбирали, вдвоем, – прошептала сирена. – Всю ночь. Чтобы самое лучшее, необычное, емкое. Не знаю... А вдруг вам не понравится?

– Это твой сын, – заверил Эраи. – И твое решение.

– Я такая глупая, – улыбнулась сирена. – Всю ночь называла имена... а потом вспомнила, какое дала ему тогда, пятнадцать лет назад. Боу.

– Хорошее имя, – похвалил араави. – Редкое, короткое и звучное. Ты не спросила у Боу, чем бы он хотел заниматься?

– Он уедет? – Лоота даже села от непосильности угрозы новой разлуки. – Так сразу... Хотя, конечно, я понимаю, у моего Боу большой дар. Даже теперь, когда его голос мерцает после тяжелой болезни, я ощущаю силу капли божьей. Она крупнее моей, о владыка. Я горда, но я боюсь потерять моего мальчика.

– Ты постоянно ждешь дурного, – расстроился араави. – Я обещаю, в отношении Боу твое слово будет иметь решающее значение. Ты сирена владыки и должна учиться ценить свое высокое звание. За тобой, в общем-то, право и даже обязанность распоряжаться иными сиренами. Ты могла бы сама поговорить с детьми по поводу их судьбы. Ты женщина, производишь из числа носителей полновесной капли божьей, тебе поверят куда легче и быстрее, чем мне.

– Я поговорю, – серьезно пообещала Лоота. – Мой Боу сказал, что очень хочет быть вашим хранителем. Он очень способный, – торопливо добавила Лоота и снова взялась говорить о сыне: – Голос у него куда сильнее моего. Он обучен бою, ваш аоори его хвалил. Он очень ответственный.

– Не сомневаюсь, – кивнул Граат. – Мы совместно с Боу обсудим предложенное тобою применение его голоса. Где теперь твой сын?

– Учит божественную чистить коня, – шепотом ответила сирена, сжимаясь в комок. – Я говорила ему, что не положено и вы не давали согласия. Но Боу, если честно, несколько упрямый... А вот Элиис на самом деле хорошая тихая девочка, просто столько событий... Она со временем станет вполне почтительной, поверьте. Я поговорю. Я приложу все усилия.

Араави улыбнулся. Он давно усвоил эту тонкую особенность поведения Лооты. Женщина постоянно боялась сказать или сделать что-то неправильно и получить страшное, мучительное наказание. Вся прежняя жизнь приучила ее ждать худшего. Но так и не вытравила готовность робко, шепотом, защищать тех, кто дорог и любим. Судя по всему, маленькая Элиис уже вошла в это число.

Когда солнце выкрасило розовым цветом край крыши ориима, лагерь снялся с места и стал растягиваться по тропе. От большого селения она спускалась в низины уже широкой торной дорогой, выводящей напрямик к порту. Коор резвой рысью одолел бы расстояние до пристаней за полдня, но он тащился шагом, уткнувшись носом в край опущенной занавеси на оконце носилок. Вблизи воды сирина предписывается находиться там, и Элиис смирилась со своей участью. Даже сочла ее не особенно тягостной, поскольку пребывание в носилках ничуть не мешает кормить «коняку». А еще ей было дозволено общаться с Боу. Сирена с трудом согласился ехать верхом. По его представлению, место в седле принадлежит только араави! Однако не менее твердым было убеждение, что с владыкой не следует спорить. Тем более

теперь, когда удалось осуществить давнюю мечту и самостоятельно выбрать того, чьи приказы достойны безусловного и немедленного исполнения.

Боу ехал, улыбался маме, гордо глядел по сторонам. Вот такая она: самому араави первая помощница! Красивая, умная, добрая... Все то же самое Эраи слышал утром из уст Лооты в отношении самого Боу. И тихо радовался воссоединению этой истерзанной, неполной и весьма ценной семьи. Дело устроилось наилучшим образом, приятно душе и полезно для храма. Самому молодому араави Древа очень важно быть уверенным в своих хранителях. Чтобы однажды, и вряд ли в ближайшие годы, стать коралловым владыкой, надо для начала выжить. Это тоже порой непросто.

Через пять дней непрерывной гребли большие лодки со знаком храма западных островов вошли в бухту Гоотро.

Владыка Роол принял маленькую Элиис восторженно. Еще бы! Сиринов пугающе, недопустимо мало. Тем более таких – юных, усердных в вере и осознающих свой долг перед Древом. Старый Роол согласился расширить свободу Элиис: разрешил прогулки во внутренних садах крепости и на ее лугах, допустил общение с наставниками и даже позволил посещать библиотеку.

Когда девочка ушла, довольная не меньше самого владыки, старик усмехнулся, сгоняя с лица приторность умильной улыбки. Цепко и заинтересованно изучил спину Лооты, которая по правилам храма стояла во время приема на коленях, касаясь лбом пола.

– Ты весьма последовательно и упорно отучаешь ее от сока, мне доложили, а вернее того – донесли, – молвил Роол. Изогнул бровь и неприязненно уточнил: – Зачем? Разве для западных островов древние законы недостаточно хороши?

– По моему убеждению, сок ош делает хозяином сирены любого, кто располагает склянкой, ваша сиятельность, – отозвался Эраи. – Между тем сирена должна служить только храму и исполнять задание с должным рвением, независимо от наличия сока или иных наград. К тому же, прошу учесть и это, Лоота имеет великолепный голос. Я не хотел бы утратить до срока столь яркую и полную каплю божью. Мною собраны сведения: ни одна сирена, приученная к соку, не дожила до пятидесяти лет.

– Верно, – тяжело вздохнул владыка. – Что ж, на сей раз не возражаю... при некоторых оговорках и уточнениях, но это позже, отдельно. В конце концов она стоит за твоей спиной, рядом с твоим горлом. Однако скажу и вот что, Эраи. Твоя излишняя гибкость – не на пользу. Порой гарпун надежнее вкусной наживки. Один удар – и не надо думать о пропитании, упывая на сомнительный клев... Или нет? Что хмуришься? Отвратительно. – Коралловый араави поморщился с неподдельным раздражением. – Ты неизменно излагаешь свое особенное мнение, хотя должен видеть себя песчинкой на берегу вечности, помнить и чтить завет предков, неукоснительно следуя мудрому канону храма. Неизменному от начала времен, слышишь?

– Я знаю канон, уважаю и соблюдаю. Но в данном случае предпочитаю не гарпун или наживку, куда надежнее плести сети и не рассчитывать на случай.

– Порой ты становишься редкостно неприятен мне, – усмехнулся владыка. – Сети... Иди. Вознаграждение западной ветви храма последует незамедлительно. Сиринов – это большой успех. Мы довольны.

Эраи поклонился и вышел. Дождался, пока Лоота закончит ритуально пятиться, бесконечно кланяясь и шепча предписанные слова гимнов храму. Женщина встала, хмуро и виновато глянула на своего араави. Покинув зал, сирена на ходу шепнула в самое ухо Эраи:

– Прошу вас учесть, он совершенно недоволен, я слышала вполне определенно. Опять у вас осложнения из-за меня.

– Он в гневе, сам вижу, – ободряюще улыбнулся Эраи, обнимая сирену за плечи и уводя по широкой галерее к внутренней храмовой пристани. – А ты как думала? Всеобщий отказ от сока ош в воспитании непокорных, если владыка пойдет на такое, вызовет возмущение восьми

араави Древа и одобрение всего-то одного, девятого, – мое, ничуть Роолу не нужное. Его сиятельность знает заранее их ответ, потому и злится. Он стар, умен и опытен, он болен, но вовсе не близок к смерти. У него есть мудрость и время, и он выбирает с должной осторожностью, старается решить для себя, что важнее: сегодняшнее острое недовольство перламутровых владык или же полезная многие годы добровольная покорность сиринов и сирен, которые рождаются все реже. Заметь, недовольство неизбежно, покорность же призрачна... Полагаю, Роол поступит по своему обыкновению: свалит всю вину на чужие плечи, перенаправит общий гнев на кого-то, лишь бы остаться сиятельностью без пятен, не утратив и силы храма.

– На вас падет гнев.

– Именно. Роол сделает нашими врагами все острова вне запада. По крайней мере в первое время.

– Мне очень жаль...

– Лоота, не печалься, – тихо рассмеялся араави, когда лодка отошла достаточно далеко от берега. – К сезону дождей мы снова будем на Гоотро. Нас станут любить еще меньше, но пусть, зато нас зауважают. Между тем я мало ценю так называемую любовь толпы, она пуста и фальшива, а еще скоротечна и ненадежна. Выгода куда удобнее.

– Вы опять взялись за свои интриги, – вздохнула сирена. – Вас опять станут убивать. Я, конечно, здесь, и я внимательна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.